

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ.

V.

ПОЛКОВНИКЪ ЛЕСЛИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Н. В. КУКОЛЬНИКА.

Цена 75 коп. серебромъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ,
8-го ноября 1841.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ.

—

V.

ПОЛКОВНИКЪ ЛЕСЛИ.

—

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

Н. КУКОЛЬНИКА.

—

ГЛАВА I.

ПОЖАРЪ НА ПОКРОВКѢ.

=

Исходило двѣнадцатое лѣто государствованія Царя Михаила Ѳеодоровича.... Глубокія рапы, нанесенныя отечеству нашему продолжительнымъ періодомъ государственныхъ смуть, закрывались; Москва оживилась торговлею. *Гречане* ежегодно привозили тму драгоценностей и мѣняли ихъ въ Царскій Дворецъ на соболи и другіе мѣха (*). По всѣмъ концамъ Москвы Персіане открыли торгъ шелкомъ; не было еще нигдѣ опредѣленныхъ мѣстъ каждому торгу; боярскіе дворы, расположенные въ Китаѣ и въ Бѣль-

(*) Кошихинъ.

Городъ, были облѣплены съ наружной стороны стѣнъ лавками, навѣсами, а иногда къ нимъ примыкали дома купцовъ, съ разными затѣйливыми угодами и садами. Кромѣ купцовъ, на Москвѣ было многое множество иностранцовъ, гостей, заморскихъ подрядчиковъ и служилыхъ людей. Военные замыслы Царя не были тайной, тѣмъ болѣе, что ихъ внушала необходимость возстановить по возможности цѣлость царства. По всей Европѣ ходили слухи, и довѣренные царскіе люди собирали охотниковъ сражаться подъ знаменами Московскими. Уже образовалось особое иноземное войско, подчиненное особому иноземному приказу (*). Много знаменитыхъ рыцарей, искателей приключеній, хищныхъ храбрецовъ, пушкарей, литейщиковъ, мастеровыхъ пришло съ разныхъ концовъ Европы на Москву. Одни ждали подвиговъ и славы военной, другіе—случая обогатиться. Былъ вечеръ. Солнце закатилось. Послѣ жаркаго дня, пролилась пріятная прохлада. Русскіе почти всѣ, какъ птицы, съ закатомъ солнца, убрались подъ перины; но такъ называемые Нѣмцы выползли на узкія улицы и разбрелись по всей Москвѣ до самаго Кремля, который тогда уже былъ запертъ, поздней поры ради.

«Что, Гильдебрантъ?» сказалъ Лесли, старшій полковникъ и начальникъ всего иноземнаго войска: «скучно тебѣ на Москвѣ. Ты, я думаю, не удержишь съ нами долго?»

«Вамъ извѣстно, полковникъ,» отвѣчалъ ротный голова или капитанъ Орлей: «что я пошелъ въ этотъ монастырь для поправленія моихъ финансовъ. Я проигралъ въ Лондонѣ всѣ деньги и жену. Последняго добра я не жалю,—надоѣла; я радъ, что уда-

(*) Собр. Госуд. Грамматъ и Договоровъ.—Берхъ—Кошихинъ.

лось найти дураковъ, которые польстились на это чучело!

«Да будто можно проиграть или выиграть жену?

«Вотъ вздоръ какой! Я замѣтилъ, что моя любезная супруга весьма равнодушна къ игроку, который меня обигривалъ, что-то, три или четыре недѣли сряду. Вѣроятно, она принимала такое въ немъ участіе изъ супружеской любви ко мнѣ: я бухъ ее на ставку! Проигралъ, и былъ таковъ. Хожу себѣ по Лондону сложивъ руки; заглянулъ въ таверну, гдѣ мнѣ върили въ долгъ; нахожу тамъ удивительныхъ людей: пьютъ неподражаемо. Я присталъ къ нимъ и опредѣлился на службу Его Царскаго Величества. То были Московскіе люди, присланные въ Англію запрашивать нашу братію, Іоанновъ безземельныхъ, въ Москвію для занятія весьма важной должности—получать даромъ каждый мѣсяцъ по 150 ефимковъ (*). Тысяча восемь сотъ ефимковъ въ годъ, да этого у насъ въ Англіи и генералы не получаютъ. Признаюсь, я былъ глупъ. Объявилъ себя только капитаномъ, а слѣдовало произвести себя прямо въ полковники и получать по 400 ефимкомъ, т. е. быть богачемъ.... Два три года такой службы и можно бы опять попробовать счастья въ благородную игру.

«Вотъ г. полковникъ,» сказалъ маіоръ (**) Пенъ: «уже два года получаетъ это огромное жалованье; да что-то у него денегъ не видно. Видно, у него есть гдѣ-нибудь складочное мѣсто и казначейша.

«Ты не ошибаешься, Морицъ!» отвѣчалъ Лесли съ горькой улыбкой. «Есть! Только далеко!

«Эге!» сказалъ Орлей. «Мой полковникъ съ романомъ и несчастіями. А у меня несчастій сколько

(*) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ.

(**) Маіоръ, по табели, былъ ниже капитана.

угодно, а романа ни одного. Проклятая эта Москва! Всѣ женщины, какъ будто старая рухлядь, на чердакахъ, подъ замкомъ. Ужъ чего я не дѣлалъ, чтобы добыть себѣ такую-сякую любвишку. Не возможно! Простыхъ дѣвушекъ—пропасть. Пожалуй, и купить можно, и подъ залогъ взять, да опять бѣда—ни одного смазливаго личика. Рожи у всѣхъ въ родѣ тарелокъ; носы будт опуговицы; талии — не спрашивайте — просто будто руда *in crudo*.... Ну, а наши иностранцы со страху даже кухарокъ не держатъ; солдаты имъ супъ варятъ... Конечно постъ! Но все къ лучшему! По неволѣ много денегъ накопишь, дѣтъ не куда!

«Что это тамъ дымить?» спросилъ Лесли.

«Вѣроятно, у кого нибудь завтра именины на Покровкѣ. Пирогѣ пекутъ. Ай, нѣтъ! Огонь! Глядите, глядите, какъ пламя языкомъ небо лижетъ. Ужасно люблю иллюминаціи! А въ Москвѣ на недостатокъ ночныхъ огней нельзя жаловаться. Что ночь — то пожаръ... Да куда же вы, полковникъ, такъ бѣжите?

«Въ съѣзжую избу моего полка!

«Зачѣмъ?...

«Люди горятъ, а вы, капитанъ, спрашиваете зачѣмъ? Боже! Да это у моего сосѣда пожаръ, горитъ домъ Ивана Александровича... Капитанъ, майоръ! бѣгите, соберите весь полкъ, и на помощь!

«А вы?

«Ступайте! Я васъ ожидаю! Вы, капитанъ, отвѣчаете мнѣ за поспѣшность.»

Лесли не шелъ, а бѣжалъ къ большому двору боярина Ивана Александровича. Прозвища этого боярина мы не отыскали ни въ одномъ историческомъ актѣ. Знаемъ только, что въ шутку и Царь и бояре и простые люди называли его Кречетомъ, а а что, про что, того мы не нашли, а догадки за ис-

тину не подложимъ. Пусть же онъ себѣ и у насъ будетъ *Кречетомъ*. Дворъ его былъ нарочито обширенъ; на немъ стояло до десяти большихъ домовъ, да малыхъ не мало; да разныхъ службъ, да то, да сѣ, а за дворомъ, подъ ту же большую ограду шелъ садъ, старый, тѣнистый, обширный... Къ самой оградѣ примыкалъ дворъ богача Мустафы, Персидскаго купца, который уже болѣе десяти лѣтъ проживалъ на Москвѣ, изрѣдка ѣздилъ во свояси за товарами и опять возвращался; богатство его возростало не по днямъ, а по часамъ. И у него дворъ былъ не хуже боярскаго; и у него было много слугъ, и также садъ съ бесѣдками и другими затѣями, и у него былъ во дворѣ боярскій порядокъ. Кромѣ своихъ, ни живой души не пускалъ Мустафа на дворъ свой, гдѣ въ каменныхъ глухихъ анбарахъ хранились драгоценные восточные товары.

Долго стучалъ Лесли въ дубовыя ворота боярскаго двора; собаки то выли, то лаяли; но слуги спали крѣпкимъ сномъ; а пламя на волѣ разбѣжалось по всей крышѣ главныхъ хоромъ; наконецъ сонный хриплый голосъ закричалъ: «Кто тамъ?»—«Пожаръ,» отвѣчалъ Лесли: «вставайте! У васъ пожаръ!» «Пожаръ, пожаръ!...» раздалось изо всѣхъ домовъ. «Лови зажигальщика!...» Суматоха сдѣлалась общою; до трехъ сотенъ слугъ (*) высыпало на дворъ; храбрѣйшіе отворили ворота, чтобы поймать зажигателя, но отступили съ почтеніемъ, узнавъ сосѣда и царскаго полковника. Почти въ то же время капитанъ Орлей привелъ полкъ и Лесли командовалъ, какъ тушить пожаръ, обхватившій совершенно большіе хоромы. Вѣтеръ днемъ мается, а ночью спитъ, дѣло извѣстное,

(*) Кошихинъ, иностранныя извѣстія.

но ужъ такой у него норовъ: зачуетъ братца гдѣ нибудь и встанетъ, отряхнется и давай помогать родному огоньку. Всталъ вътеръ и началъ головнями забавляться: то на конюшню бросить щепочку, то на сосѣда лучинку, а погляди, уже горитъ улица. Но людская воля злаго не боится. Разумъ Лесли, словно чуму какую, оцѣпилъ огонь... Раздѣлилъ онъ полкъ на роты и послалъ капитановъ сосѣдей оборонить, а самыхъ храбрыхъ съ собой взялъ, да и пошелъ въ хоромы... Перваго вытащили хозяина, боярина Кречета, который было отъ дыму задохся. Вынесли его на улицу и сдали на руки полковому лекарю. Лесли велѣлъ солдатамъ лари выносить, иконы снимать, все что подороже у огня отымать; сказалъ, да и побѣжалъ куда-то... Путается, ходитъ, пламя ему въ глаза бросается, духъ захватываетъ; самому жутко приходится, а прочь нейдетъ. Вдругъ слышитъ женскій крикъ; видитъ узенькая лѣсенька; онъ на верхъ въ теремъ. Тамъ, передъ боярышней, комнатная дѣвушка стоитъ на колѣняхъ и руки ломаетъ и плачетъ и кричитъ «помогите!»

Лесли некогда было ни разговаривать, ни думать. Хватъ боярышню въ охапку, кричитъ «за мной!» и унесъ у огня дорогія двѣ жертвы... Вышли онъ на заднее крыльцо... Тутъ народу много, а боярышня, какъ была въ постелѣ, такъ ее и вынесли. При людяхъ страмъ! Вотъ комнатная и говоритъ Лесли: «Эй, ты, Нѣмецъ, нарови въ садъ, за мной!» Лесли принесъ боярышню въ темный садъ; положилъ подъ навѣсомъ на скамью; комнатная дѣвушка прилѣжно хлопотала около боярышни; усилія ея благословилъ Богъ; отворились чудные каріе глазки и, ничего не понимая, глядѣли то на пожаръ, то на Нѣмца, то на подругу....

«Что, Параша, лучше тебѣ?» спросила комнатная.

«Лучше, сестрица, лучше. Отлегло! Но гдѣ батюшка?»

«Онъ спасенъ, Прасковья Ивановна!» сказалъ Лесли.

«Да гдѣ же онъ?»

«У меня въ домѣ! А про пожаръ не изволь беспокоиться. Мои люди — отстоятъ другіе дома, только хоромы сгорятъ; ихъ спасти уже нельзя.

«Ахти, Господи, стыдъ какой!» закричала Параша, примѣтивъ, какъ она одѣта и стала кутаться.

«Трудное время, Прасковья Ивановна! Теперь все простительно. Нужда велитъ....

«Да ты кто такой?»

«Старшій полковникъ Его Царскаго Величества, рыцарь Александръ Ульяновичъ Лесли....

«Онъ тебя изъ пожару на рукахъ вынесъ, а не будь онъ — мы бы сгорѣли....

«Потому что сестрица твоя, Прасковья Ивановна, не хотѣла безъ тебя спастись.

«Милая сестрица!» сказала со слезами Параша и обняла, какъ мы видимъ, не комнатную дѣвушку, а дальнюю родственницу свою, Евдокію Лукьяновну. Параша была такъ хороша, такъ великолѣпна, роскошна, что у бѣднаго Лесли глаза помутились. Онъ боялся смотрѣть на нее, а все-таки смотрѣлъ въ оба. Даже не примѣтилъ, что сосѣдній домъ Персидскаго купца обратился въ огненный столбъ; даже не слышалъ, какъ на Персидскомъ дворѣ, за оградой, кричалъ распорядительный Орлей.

«Вотъ какъ странно на этомъ свѣтѣ все устроено,» сказалъ онъ задумчиво: «чтобы увидѣть одну минуту счастья, надо огромныхъ бѣдствій, надо пройти, какъ говорится, сквозь огонь и воду.»

Дѣвушка молчала; она не смѣла говорить съ мужчиной, и только изрѣдка съ особеннымъ любопытствомъ поглядывала на Лесли.

«Да! я тебя видѣлъ не во снѣ,» говорилъ полковникъ съ жаромъ: «нѣсколько дней сряду я смотрѣлъ на тебя каждое утро, когда ты садилась въ каптану (*), закидывала покрывало и уѣзжала гулять... Потомъ и весной, какъ ты ходила говѣть въ домашнюю церковь. Потомъ и лѣтомъ, какъ ты гуляла въ саду... И благодарилъ судьбу, что она подарила мнѣ такое окошко, изъ котораго можно было смотрѣть черезъ высокую ограду вашего двора. Почти годъ глядѣлъ я на тебя, Прасковья Ивановна!...

«На меня! А я думала, что ты о комъ другомъ говоришь! Зачѣмъ же ты глядѣлъ на меня? Не годится!...

«Охъ, правда!

«Отчего же правда?...

«И это правда! Ужъ если красавица, да боярская дочь, такъ на нее и смотрѣть не смѣй. А если вздумаешь любить.....

«Послушай, сдѣлай милость ничего такого срамнаго не говори. Ужъ мнѣ и такъ не приходится тебя слушать...

«Да что же худаго въ любви?

«А я почему знаю. Мнѣ-то что до нея!... Известно, это не дѣвичье дѣло...»

Лесли задумался, и вздохнулъ...

«О чемъ?» невольно сорвалось съ языка у Параши.

«Объ тебѣ!

«Обо мнѣ не тужи. У батюшки, въ мѣсяцъ такіе хоромы построятъ; слава Богу, какого у него бо-

(*) Каптана, возокъ, крытый зимній экипажъ.

гатства нѣтъ... Да зачѣмъ я съ нимъ разговариваю, сестрица?

«Ужъ это ты, Параша, вѣрно лучше знаешь. И слава Богу, что бояринъ идетъ, а то вы тутъ Богъ знаетъ до чего бы договорились, а въ отвѣтъ былъ бы никто, какъ я....»

«Батюшка идетъ! Ахти, Господи, какой страмъ!.... Спрячься ты, Нѣмецъ, за дерево.... Уйди куда нибудь, а не то онъ меня съѣстъ... Ужъ Господь тебѣ простить за все, про все, только убирайся...

«Какъ хочешь Прасковья Ивановна, я спасъ тебя и за это счастье поцѣлую твою ручку...»

Лесли прижалъ къ устамъ прелестную руку... Параша боялась кричать.... только ахъ, да ахъ... вырвалась и съ подругой побѣжала на встрѣчу отцу. По счастью, бояринъ, ослѣпленный блескомъ пожара, не могъ ничего разглядѣть въ тѣни сада, только кричалъ во все горло: «Параша, Параша! гдѣ ты, Параша?...»

Лесли самъ чувствовалъ опасность своего положенія; примѣтилъ дерево, которое отъ старости оперлось на высокую ограду, и перелѣзъ по этой естественной лѣстницѣ въ сосѣдній садъ. Тутъ было совершенно пусто; солдаты и Персіяне хлопотали около пожара, только во глубинѣ одной аллеи Лесли услышалъ шопотъ,—то былъ Орлей; обхвативъ какую то женщину обѣими руками, Орлей, безъ всякаго обычая, осыпалъ ее поцѣлуями; женщина какъ-то странно защищалась и только шептала на дурномъ Русскомъ языкѣ: «Нельза, нельза! Мужа мене увидить.»

«Чорта съ два! Ему амбары дороже тебѣ... Хочешь, я тебѣ черезъ заборъ перетащу и...

«Нельза, нельза. Мужа злой, мене зарѣжетъ...

«А я его....»

«Мужа, мужа идетъ!..»

Мустафа бѣгалъ по двору и кричалъ по-Персидски...

«Мужа мене зоветъ!»

Орлей подхватилъ на руки хорошенькую Персіянку; на дорогѣ повстрѣчалъ Лесли и сказалъ на ходу: «Помогите, полковникъ, обмануть стараго чорта.»

Мустафа въ это время уже былъ въ саду и продолжалъ кричать по-Персидски; Орлей сдѣлалъ обманчивый маневръ; пропустилъ искусно Мустафу въ глубь сада и, поворотивъ, кричалъ громко: «Здѣсь! здѣсь! Помогите! чуть-чуть жива!»

Какъ звѣрь Мустафа побѣжалъ на Орлея, выхватилъ у него изъ рукъ жену, положилъ на траву, увѣрился, что она жива, и тогда только посмотрѣлъ на избавителя. Съ особенною важностью стоялъ передъ нимъ Орлей, за нимъ Лесли; Мустафа упалъ наземъ и самыми чувствительными словами сталъ благодарить и капитана и полковника. Истощивъ всѣ нѣжныя имена, Мустафа, сталъ предлагать въ награду золото, ткани, все, все, что только могъ вспомнить изъ своихъ драгоценностей.

«Ничего не нужно!» сказалъ торжественно Орлей. «Супружеская любовь твоя меня трогаетъ до глубины сердца! Подари мнѣ свою дружбу, почтенный супругъ! Удостой посѣтить домъ капитана Орлея. Вотъ все, чего я отъ тебя желаю и требую. Пойдемъ, полковникъ! Наше мѣсто въ огнѣ!»

Лесли и Орлей ушли, а Мустафа не могъ надивиться великодушію Нѣмцевъ.

ГЛАВА II.

НОЧНАЯ БЕСѢДА.

Благодаря усердію и смѣлости Нѣмцевъ, пожаръ былъ задушенъ задолго еще до зари... Сгорѣли большія боярскія хоромы, да крыша купца Мустафы. Съ пепелища подымался дымокъ, но безчисленная челядь боярская тщательно поливала почернѣвшіе уголья, а Нѣмцы разошлись по домамъ. Орлей не отставалъ отъ полковника.

«Послушайте, полковникъ, если вы будете все вздыхать да хныкать, такъ я могу Богъ знаетъ что подумать.»

Лесли молчалъ, шелъ по лѣстницѣ въ свою квартиру, а Орлей за нимъ....

«Какъ хотите, полковникъ, а я отъ васъ не отстану, пока вы мнѣ не скажете всей правды, что съ вами случилось. Я долженъ участвовать въ вашихъ несчастіяхъ; я ваша правая рука по службѣ: такъ ужъ извольте взять меня и въ домашніе секретари?»

«Любезный Орлей! Я очень благодаренъ за твое участіе.

«Увольте меня, полковникъ, отъ всѣхъ этихъ фразъ! Къ дѣлу! Признавайтесь—или завтра же я подамъ въ отставку.»

«Прежде ты долженъ сказать мнѣ: зачѣмъ ты цѣловалъ эту Персіянку?...

«Потому что она очень, очень хорошенькая Персіянка, молоденькая, глупенькая и страстная; мужъ у нея ревнивъ до бѣшенства. Вотъ все, что нужно для удачнаго романа вообще, и для меня въ особенности...

«Такъ ты намѣренъ продолжать любовь?...

«А вы какъ думали, полковникъ? Я поведу правильную осаду; подкопы сдѣланы; Мустафа попадется, и я буду торжествовать побѣду не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли.

«Такъ ты не безъ умысла игралъ роль великодушнаго; звалъ Мустафу къ себѣ; хвалилъ его супружескую любовь...

«Еще бы! Я ничего не дѣлаю безъ умысла. Сегодня онъ напалъ на меня въ расплохъ, а завтра онъ мой; а тамъ она — моя; а тамъ, — представится другой

пріятный случай... Но, полковникъ, у меня есть затрудненіе. Только вы одни можете помочь мнѣ...

«Надѣюсь, капитанъ, не въ этой интригѣ....»

«Косвеннымъ образомъ, полковникъ, косвеннымъ образомъ. Я былъ такъ глупъ; роздалъ мои деньги подъ вѣрныя залогі въ добрыя руки; а тутъ, какъ сами видите, наступаетъ военное время; я предвижу значительныя издержки, до жалованья почти мѣсяцъ; не можете ли вы мнѣ дать до того времени сто ефимковъ?»

Лесли вздохнулъ.

«Кромѣ васъ, полковникъ, мнѣ неприлично обращаться съ этою просьбой къ кому бы то ни было...»

Лесли молчалъ.

«Вы не хотите, полковникъ...»

«Не могу!»

«Вы не можете! Какъ! вы не можете! Получаете четыреста, проживаете десять, и не можете мнѣ, вашему капитану, вашему другу, дать на нѣсколько дней сто ефимкомъ!»

«Орлей! У меня дома нѣтъ и пяти!»

«Простите, полковникъ, я не зналъ, что и вы отдаете свое жалованье въ ростъ!»

«Въ ростъ! Никогда, Орлей! Никогда! Эти деньги...

«Признавайтесь, полковникъ, говорите! Если вамъ нужна тысяча ефимковъ, завтра же я пріударю по моимъ должникамъ и деньги будутъ. Для моего добраго полковника...

«Перестань, Орлей! Съ меня и моего довольно, но мнѣ стыдно, что я не могу помочь тебѣ...

«Что это значитъ, полковникъ! Вѣрно, вы проигрались... Но кажется...

«Никогда! Орлей, никогда во всю жизнь мою я не игралъ; но мои семейственные обстоятельства....»

«Я молчу, я не спрашиваю, полковникъ!... Простите моей настойчивости... Простите моему глупому легкомыслию! Мнѣ пришло въ голову, что вы влюбились и я, какъ честный рыцарь, спѣшилъ предложить вамъ мои услуги. Простите — я иду...»

«Нѣтъ, Орлей! Ты долженъ знать все. По крайней мѣрѣ я буду свободенъ отъ пустыхъ подозрѣній, догадокъ, намѣковъ. Филиппъ! есть у тебя вино.»

Филиппъ принесъ бутылку романа и двѣ чары. Орлей, какъ человекъ весьма смѣтливый, тотчасъ понялъ, что это предисловіе, и желая скорѣе слышать самый разсказъ, сѣлъ, налилъ чару, выпилъ и протянулъ уши.

«Наша отчизна, Орлей,» такъ началъ Лесли: «на одномъ и томъ же острову; но я, отецъ мой, дѣдъ и такъ далѣе, всѣ мы ненавидѣли васъ, Англичанъ; ненавидѣли за смерть нашей чудной королевы, за казнь всемірной красавицы...»

«Славное начало!» закричалъ Орлей, и высокимъ слогомъ!...

«Елисавета, какъ тебѣ, извѣстно, назначила нашего короля Якова преемникомъ престола; умерла, и Яковъ оставилъ Эдинбургъ, свое наследственное королевство для этой Англіи, которая такъ не любитъ его! Мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ; я служилъ пажемъ у старой графини Орселей. Молодой ея сынъ уѣхалъ изъ Эдинбурга, но молодой графини старушка не пустила... «Посмотримъ, посмотримъ,» говорила она, «какъ то вы поладите съ Англичанами? Увидите, Сиръ Робертъ Карръ, любимецъ Якова, перессорить васъ съ новымъ ва-

шимъ королевствомъ. И здѣсь его не жаловали, а тамъ....» Бѣдный графъ страстно любилъ свою жену, но старуха пріучила всѣхъ уважать ея волю, и графъ уѣхалъ одинъ, послѣ трогательнаго прощанія. Надо тебѣ знать, что жена его, графиня Берта, была изъ простаго состоянія; отецъ ея былъ судьей, мать изъ купеческихъ дочерей; графъ женился противу воли и вѣдома старушки; но хитрая графиня Орселей не подала и виду неудовольствія; пожурила сына ласково; приняла Берту какъ дочь и, казалось, все уладилось.... Графъ уѣхалъ поутру. Ввечеру старушка объявила Бертѣ, что она обязана строго хранить честь своего сына, что родъ молодой графини подлъ и низокъ, и не можетъ внушать никакого довѣрія; что Берта уловила графа кокетствомъ и потому во все время пребыванія графа въ Лондонъ, она будетъ находиться подъ строжайшимъ надзоромъ моей матери, подруги графини Орселей; матушка моя, по бѣдности, проживала въ ея помѣстьяхъ. Берта оскорбилась, заплакалась, старуха смѣялась, и въ тотъ же вечеръ, въ спальнѣ Бертѣ поселилась моя добрая, несчастная мать, Гертруда Лесли, жена стараго Шотландскаго капитана королевской гвардіи... Берта была въ отчаяньи. Цѣлую ночь не ложилась, писала письма къ мужу, къ отцу своему, къ знакомымъ, но всѣ эти письма перешли въ руки къ старушкѣ; строгіе выговоры и стѣсненіе свободы Берты были единственными послѣдствіями всѣхъ этихъ писемъ. Естественнымъ образомъ, положеніе хорошенькой женщины возбудило въ молодомъ человѣкѣ излишнее участіе. Не смотря на бдительность моей матери, графинѣ удалось тайно написать письмо къ графу и тайно отдать его мнѣ. Лондонъ съ Эдинбур-

гомъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ; въ пересылкѣ письма къ графу — не представлялось никакихъ трудностей; полученъ и отвѣтъ... Какой отвѣтъ! Бѣдная Берта!.. Графъ писалъ очень холодно, что онъ находитъ всѣ распоряженія матери справедливыми и необходимыми. Въ то же время старушка получила вѣрное извѣстіе, что сынъ ея влюбился въ Лондонъ въ дѣвушку весьма знатнаго рода, что король одобряетъ эту страсть, но — къ огорченію — одно препятствіе: Берта. Къ общему удивленію, Берта въ тотъ же день получила полную свободу... Минутное увлеченіе стало во мнѣ пылкою страстію; я не отходилъ отъ графини Берты; я открылъ тайну графа, и съ какимъ-то торжествомъ объявилъ объ ней Бертѣ; она стала задумываться; а я пылалъ, горѣлъ, я съ ума сходилъ, и въ припадкѣ безумнаго восторга рассказалъ все матери.... Бѣдная Гертруда пришла въ ужасъ и поспѣшила объявить объ этомъ старой графинѣ.

«Что же вы тутъ находите удивительнаго?» спросила старушка. «Все это въ порядкѣ вещей. Каждый юноша долженъ прохворать этою болѣзнію; такъ уже устроено отъ вѣка. Оставьте вашего сына! Но, милая Гертруда, я замѣчаю, что вы скучаете въ Эдинбургъ. Я очень признательна за ваши услуги, и за то буду беречь вашего сына. А вы поѣзжайте на покой!»

Уѣхала моя Гертруда, а старая графиня употребила все, что только можетъ выдумать коварная женщина, чтобы сблизить, подружить насъ съ Бертой. Вліяніемъ ея, я получилъ хорошее мѣсто въ королевской гвардіи, провожалъ молодую графиню на всѣ возможныя прогулки; бесѣдовалъ съ Бертой самою позднею порою, сначала при старухѣ, потомъ

она оставляла насъ однихъ и, казалось, ждала преступленія... Неожиданныя извѣстія дали всему дѣлу совершенно другой оборотъ. Мы узнали отъ вѣрныхъ людей, что всѣ акты и бумаги, составлявшіе доказательство о бракѣ графа съ Бертой, похищены изъ церковнаго архива за добрую плату. Что свидѣтели этого брака (ихъ было трое) схвачены и отосланы въ Лондонъ; наконецъ мы перехватили письмо старой графини къ сыну, въ которомъ она писала, что изъ нѣжной къ нему любви, она потворствовала грѣху; но, приближаясь ко гробу, должна очистить свою совѣсть, и болѣе графской наложницы въ своемъ домѣ держать не будетъ, а благословеніе, котораго онъ проситъ, на бракъ честный и законный, она посылаетъ ему... и тому подобное....

«Графиня!» закричалъ я: «вы свободны! Вы можете предупредить всѣ эти несчастія....» Я упалъ къ ея ногамъ и признался въ любви... Берта горько плакала. Долго не могла она отвѣчать мнѣ. Наконецъ, глотая слезы, не связно прошептала:

«Чѣмъ я заслужила и ненависть мужа и твою преступную любовь?»

Чувства ея примѣтно возвращались; по лицу разливалось пламя; глаза блистали негодованіемъ; уста и ноги дрожали; она продолжала съ возрастающимъ жаромъ:

«Я клялась ему передъ Богомъ! Я клялась искренно не такъ, какъ онъ.... Что мнѣ бумаги и свидѣтели?... Онъ лгалъ Господу, а я нѣтъ! Онъ можетъ любить другихъ, а я нѣтъ! Пусть будетъ счастливъ; я завтра же ѣду въ Лондонъ—поздравить его съ новымъ счастіемъ, проститься, и укрыться

въ обители того же Бога, Который принялъ мои обѣты....»

«И я съ вами!» сказалъ я рѣшительно.

«Зачѣмъ?»

«Кто же раздѣлитъ съ вами всѣ опасности пути? Кто будетъ вамъ слугою и защитникомъ въ такое безпокойное время? Графиня не дастъ вамъ ни лошадей ни слугъ, и если узнаетъ объ вашемъ намѣреніи, чего добраго, васъ упрячутъ туда, гдѣ уже ни я ни люди васъ не увидятъ. Понимаю всю великость моего преступленія! Я не думалъ оскорбить васъ моею любовью! Я полюбилъ васъ — вотъ и все тутъ. Но вы простите, вы должны простить молодости. Не правда ли? Вы не отвергнете преданности друга?...»

Берта протянула ко мнѣ руку; слезы выступили на ея глазахъ; мы условились: какъ и когда уѣхать въ Лондонъ. Въ ту же ночь я все приготовилъ къ отъѣзду... И еще всѣ спали, когда мы оставили столицу Шотландіи.

Ты долженъ помнить, что Робертъ Карръ, возведенный въ санъ графа Сомерсетскаго, полномочный властитель двухъ королевствъ, сдѣлался въ самое короткое время предметомъ общей ненависти, презрѣнія и происковъ.... Мы въѣзжали въ Лондонъ въ самый день и часъ его паденія. Улицы были наполнены народомъ; крикъ, шумъ, радость, торжество. Мы не могли безопасно продолжать пути, должны были вернуться и на предмѣстьи остановиться въ грязной гостинницѣ. Помѣстивъ графиню Берту въ единственной опрятной комнаткѣ, я вышелъ въ общую залу или лучше сказать въ общій погребъ. Тутъ мало было гостей, но къ осо-

бенному моему удивленію, всѣ были прекрасно и богато одѣты; стояли въ кружкѣ и довольно громко между собою разговаривали....

«Вздоръ,» закричалъ молодой человѣкъ, особенно богато одѣтый. «Сиръ Робертъ не подмѣшивалъ яда никому. Это на него сочинилъ лордъ Валлисъ, отецъ миссъ Адды, потому что ему очень не хотѣлось выдать замужъ своей дочери за женатаго графа Орсеley!.... Король Яковъ этого требовалъ такъ настоятельно, такъ повелительно, что не оставалось никакого другаго пути къ спасенію, какъ низвергнуть Сомерсета....

«Такъ свадьбы и не будетъ?»

«Да ты развѣ не слыхалъ, что сказалъ король на аудіенціи: Судите Сиръ Роберта и его друзей — ну, а Орсеley его первый другъ....

«Что жъ? И эти господа судятъ!»

«Я думаю уже и осудили. И если Орсеley не уйдетъ, какъ мы, — его женятъ на плахѣ!

«Но развѣ мы ушли! Надо спѣшить, господа, бѣжать.

«Какой вздоръ! Такъ насъ всѣхъ по одиначкѣ переловятъ, и концы въ воду; но если мы успѣемъ соединиться съ Орселеемъ, и другими, тогда можемъ безпрепятственно уйти въ Шотландію, и тамъ уже съ горъ покойно выслушать мудрый приговоръ парламента....»

Таверна наполнялась новыми гостями. Около гостиницы собралось болѣе тысячи лошадей, множество вооруженныхъ слугъ и любопытныхъ.

«Ну, потѣшила миссъ Адда!» сказалъ одинъ изъ вошедшихъ. «Поѣхала благодарить королеву за освобожденіе отъ ненавистнаго брака....

«Такъ она не любила Орселея....»

«Не любила, ненавидѣла,» кричалъ Орселей, вбѣжавшій въ самое то время въ таверну. «Точно такъ, какъ ненавидѣлъ ее — я!»

«Ты съ ума сошелъ! Кто же тебѣ повѣритъ!»

«Лишь бы повѣрила мнѣ жена, а впрочемъ я право не беспокоюсь о мнѣніи даже моей матери... Любилъ миссъ Адду — не я, а глупый честолюбецъ, покорный сынъ, слабый другъ.... Но, пора, пора! Парламентъ собрался.... Всѣ ли?...

«Недостаетъ Сиръ Роберта!»

«Онъ въ темницѣ! Добрый другъ его, Яковъ, еще съ вечера принялъ противу своего любимца рѣшительныя мѣры. Всѣ ли, господа?...

«Если такъ, — кажется всѣ...

«Бдемъ,» сказалъ Орселей, но я остановилъ его за руку и сказалъ почтительно:

«Еще не всѣ, графъ!»

«Лесли! Ты какъ попалъ сюда?»

Я отворилъ двери въ комнатку; прямо противъ дверей, утомленная Берта спала сномъ крѣпкимъ. Орселей поблѣднѣлъ. Друзья съ любопытствомъ окружили его... Протянувъ руки къ графинѣ, Орселей стоялъ какъ вкопанный и не зналъ, не умѣлъ, не могъ вымолвить слова.

«Если время не терпитъ, графъ,» сказалъ я почтительно: «извольте ѣхать; мы отправимся съ графиней по той же дорогѣ, по которой пріѣхали. Вы только дайте знать, куда намъ явиться?...

Графъ взглянулъ на меня съ бѣшенствомъ и спросилъ задыхаясь:

«Ты съ ней одинъ!... Ты смѣлъ!...

«Что же было дѣлать,» отвѣчалъ я хладнокровно: «когда не только мать, но самъ мужъ отказался отъ добродѣтельной женщины?..»

И она знаетъ?...

«Все знаетъ, графъ, для того только, чтобы простить любимому преступнику...»

«Лесли... Берта!...»

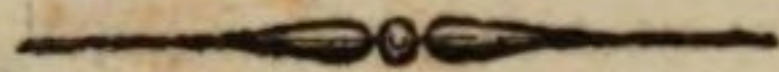
Берта проснулась, и я не стану описывать ихъ трогательнаго свиданія. Скажу тебѣ только, что эти минуты совершенно меня успокоили. Я радовался чужою радостью; я былъ счастливъ счастьемъ Берты. Я понялъ, что я не влюбленъ, а люблю графиню какъ несчастнаго друга, и услуги мои возрасли въ собственныхъ моихъ глазахъ; я сталъ цѣнить себя человѣкомъ и человѣкомъ хорошаго сердца, возвышеннаго образа мыслей,—я сталъ гордъ. Эти минуты, Орлей, рѣшили и составили мой характеръ. Краткій разсказъ графа открылъ намъ всю истину. Мы увидѣли, что молодой человѣкъ, разлученный съ супругой, пылкій, страстный, не могъ устоять противу чаръ молодой кокетки, съ умысломъ направленныхъ на всѣхъ любимцевъ короля. Яковъ съ Карромъ рѣшили унижить Валлиса, выдать дочь его за женатаго; дальнѣйшія намѣренія ихъ были тайной, но всѣми силами, при содѣйствіи матери Орседея, Карръ хлопоталъ, какъ бы осуществить этотъ невозможный бракъ... Хотя Орлей скоро опомнился, хотя долгъ и любовь къ Бертѣ взяли свое въ сердцѣ легкомысленнаго юноши, но дѣло было подвинуто слишкомъ далеко.... Не оставалось путей къ спасенію; надо было Божьяго вмѣшательства, и десница Всемогущаго въ самый день пріѣзда въ Лондонъ добродѣтельной Берты низвергла ненасытнаго честолюбца

со всѣми его планами. Мириться вообще гораздо труднѣе, нежели ссориться, но въ этотъ разъ вышло наоборотъ—и это многочисленное Шотландтское дворянство послужило только свитой для графини Берты при торжественномъ ея въѣздѣ въ Эдинбургъ... Тамъ уже всѣ знали о паденіи Карра; ожидали только приговора Лондонскаго, но осторожный парламентъ никого изъ друзей Карра не казнилъ смертию; за то болѣе тридцати лучшихъ Шотландтскихъ фамилій въ одинъ день обѣднѣло. Въ томъ числѣ и домъ графовъ Орселеевъ лишился своихъ замковъ, дворцевъ, помѣстій, и сталъ бѣденъ, въ полномъ смыслѣ бѣденъ, потому что гордая графиня съ сыномъ и Бертой должна была со стыдомъ укрыться въ домъ судьи, котораго прежде она допускала въ свои покои только по воскресеньямъ и то для церемоніальныхъ привѣтствій, и не позволяла ему дружески говорить даже съ дочерью.... Матушка моя была изгнана изъ Орселеевскихъ помѣстій, и тотъ же ничтожный судья далъ ей уголъ въ тѣсномъ своемъ домѣ. Но бѣдность, нищета, все это еще ничего въ сравненіи съ потерей свободы. И потому мое положеніе было самое непріятное. За самовольную отлучку мою изъ Эдинбурга, меня за глаза осудили къ шести-лѣтнему заключенію въ какой-то отдаленный замокъ. Я узналъ объ этомъ отъ людей графини въ день пріѣзда... скрывался нѣсколько дней у того же судьи; бѣжать было не куда; я не зналъ на что рѣшиться; вдругъ ночью стучатся у дверей нашего общаго благодѣтеля... Кто тамъ? Сиръ Вилльямъ Броверъ, начальникъ королевско-Шотландской гвардіи; именемъ короля вошелъ онъ въ комнату; я весь дрожалъ, но прятаться было бы бесполезно... Онъ взялъ меня за руку, не сказалъ никому ни слова и увелъ изъ дому... Мы шли по улицѣ,

Броверъ молчалъ; мы вошли въ гавань, Броверъ молчалъ; онъ любилъ меня, храбрый Броверъ, но я былъ преступникъ, я даже не хотѣлъ у него попроситься въ Лондонъ, не хотѣлъ посовѣтоваться: я былъ кругомъ виноватъ, и уста мои были окованы невольнымъ молчаніемъ. Въ гавани ожидала меня лодка. Броверъ почти толкнулъ меня туда, я повиновался; весла всплеснули; лодка понеслась; мы догнали купеческій корабль; и еще той же ночи потеряли изъ виду дорогіе берега милой отчизны. Не знаю, сколько дней, недѣль, мѣсяцевъ шли мы сначала чистымъ моремъ, потомъ стали встрѣчаться съ огромными льдинами, наконецъ между безчисленныхъ острововъ и горъ льда и снѣгу вошли мы въ Бѣлое Море и бросили якорь въ виду Архангельска. Дорогой познакомился я и подружился съ товарищами... То были преступники—противу Англіи... Всѣ ѣхали искать счастья въ новооткрытую Московію... Богатства этой Америки соблазняли не только купцовъ, но и военныхъ людей. Въ томъ же Архангельскѣ пристава стали насъ нанимать на службу, торговались, торговались, а кончилось тѣмъ, что меня, какъ благороднаго и королевскаго офицера, приняли полковникомъ, другихъ—другими чинами, и я тамъ же получилъ начальство надъ новымъ Нѣмецкимъ войскомъ. Здѣсь, уже въ Москвѣ, я нашелъ еще одну роту дѣйствительно Нѣмецкихъ солдатъ; въ короткое время полкъ мой пополнился новыми охотниками... Недоставало хорошихъ мушкетовъ и того, и другаго; я сталъ ежегодно посылать за этими вещами въ Эдинбургъ добрыхъ и надежныхъ людей, а съ ними и четыре тысячи добрыхъ ефимковъ моему семейству... Ты знаешь, Орлей, какъ оно велико; и недавно еще оно умножилось новымъ членомъ. Графиня Берта родила сына, котораго, по милости цар-

скихъ денегъ, назвали моимъ именемъ. Вотъ Орлей, гдѣ мое жалованье! Не пеняй же, если я не могу помочь тебѣ сегодня, потому что капитанъ Фростъ, не дальше какъ вчера, поѣхалъ за мушкетами въ чужіе край...»

«Простите, благородный человѣкъ,» закричалъ Орлей, вскочивъ съ мѣста. «Мнѣ остается сожалѣть, что не осталось ни капли вина, которымъ бы я могъ выпить за здоровье вашего драгоцѣннаго семейства.»

ГЛАВА III.

ЖЕНИХИ.

Дальнѣйшему разговору помѣшалъ Тимоша, шутъ боярина Кречета; онъ вошелъ въ гостинную полковника съ такою непринужденностью, какъ будто въ спальню своего господина.

«Что сосѣдушка?» сказалъ онъ, снимая свой длинный колпакъ, на концѣ котораго болталась связка разныхъ пряниковъ. «Не спишь; сказки рассказываешь; рассказывай, рассказывай, а коли усталъ, я помогу...

«Ахъ ты дуракъ!» закричалъ Орлей...

«А ты, небойсь, умница; у сосѣда самый сладкій пряникъ схватилъ; да не подъ мочь; назадъ принесть; только меду сверху маленько полизалъ; облизывайся на здоровье; по усамъ текло, въ ротъ не попало.

«Вонъ ты, шутъ!» опять прикрикнулъ Орлей.

«Оставь его, оставь,» сказалъ Лесли. «Я радъ сосѣду.

«Вотъ кто умница! Надо съ сосѣдами въ миръ жить, да любовь вести... Не такъ ли, племянникъ?...

«Что ты этимъ хочешь сказать?...

«Такъ, ничего! Сказка съ правдой все одно, что пустыя шти съ говядиной; пустыя, пустыя, а все наешься досыта... А тебѣ, племянникъ, и того мало; вотъ ты и кашницу заварилъ. Только гляди. Нѣмцамъ наша снѣдь не въ привычку; здорово ли расхлебашь!

«Чго онъ тутъ вретъ, полковникъ?

«Вру. Да кто тебѣ сказалъ, что я вру, племянница или племянникъ?

«Да какой я тебѣ племянникъ?» спросилъ Лесли.

«По племянницѣ и ты мнѣ племянникъ. Всѣ мы сродичи. Ужъ тутъ нечего таиться... Ну, а что, если племянница моя Параша отъ укуса захвораетъ? Мнѣ же придется лечить...

«Прасковья Ивановна больна... Кто ее укусилъ?... Что ты тамъ городишь?...

«Вотъ видишь и ты неумница, когда безъ обычая говоришь. Это хорошо въ пѣснѣ: *Огородъ городить*, а ужъ если съ сосѣдомъ, да еще съ дядей рѣчь ведешь, страмного слова остерегайся... Слышь, племянникъ!.. А укусилъ племянницу подъ старой липой видно не ты, а лѣшій?..

«Какъ, Тимоша?.. Она сказала....

«Мы не таковыя, Александро Ульяновичъ! Нѣтъ, мы не таковыя. Намъ ничего сказывать не надо, когда мы что ни есть сами изволимъ видѣть со старой липы, что на заборъ, словно баба, локоткомъ прислонилась. А куда у Бога все хорошо! Вѣдь знаетъ, гдѣ лѣстницу, гдѣ каланчу поставить.

«Такъ ты все видѣлъ, все слышалъ?...

«Обонъ полъ стѣны, по ту и по сю сторону, лѣвымъ глазомъ и правымъ глазомъ, племянника и вотъ этого пасынка, въ темныхъ Муромскихъ лѣсахъ, на охотѣ: какъ они пушнаго звѣря ловили. А знатные звѣрки... И бусурманка не что; ловко ее съ природы смазало; здобная такая; только жъ куда некрещеной прелести противу нашего боярскаго роду. Видно, почину, сродичи. Кто постарше, тому и получше.»

Лесли и Орлей, повѣсивъ головы, стояли въ раздумьи. Тимоша подбоченясь посмѣивался, да покачивался съ боку на бокъ.

«Что вы такъ не вѣселы?

«Что носы повѣсили?

«То-то и есть!

«Ахъ, зачѣмъ было ихъ вверхъ задирать?

«Ахъ, зачѣмъ было вамъ по саду гулять...

Ну чтобы тебѣ боярышню боярамъ оставить, а въ мою родную племянницу втюриться... Все бы легче; Лукьянъ Степановичъ — простой человѣкъ. Не сталъ бы ломаться, даромъ что подъ Можайскомъ живетъ; дочка на моихъ рукахъ...

«Это та, другая, прислужница...

«Да, да, прислужница! Стара шутка! Я пошутилъ и скорѣе тебѣ боярышню отдамъ, чѣмъ Евдокію Лукьяновну; мнѣ старый хозяинъ, даромъ что братцемъ зоветъ, такъ бока за нее наcostыляетъ, что ну,

да два. Простой онъ человекъ, да страшнѣе всякаго боярина... Ну, прощенья просимъ. Мы довольно поговорили; теперь надо службу править; боярину и сосѣду, каждому свое дѣло рассказать!

«Что ты хочешь дѣлать?» вскрикнули и капитанъ и полковникъ.

«Говорятъ вамъ толкомъ: службу править. Вѣдь за то насъ кормятъ, поятъ, одѣваютъ, иноразъ и деньги даютъ.

«Да и мы тебѣ дадимъ,» сказалъ Орлей: «только молчи.

«Вотъ, бѣда, пасынокъ! Совсѣмъ молчать забылъ. Ну, да про тебя, не куда шло, если заплатишь, буду отъ сосѣда сторонить, такъ авось не проболтаюсь; ну, а съ бояриномъ съ утра до ночи съ глазу на глазъ... Право не знаю... Послушай, племянникъ, да лучше ты самъ ему все скажи, такъ тогда и мнѣ молчать не нужно.

«Я?» спросилъ Лесли и покраснѣлъ. «Я?... Мнѣ смѣтъ думать, что Прасковья Ивановна...

«Да что Параша, ей всякой молодецъ женихъ, а ты же ей по сердцу пришелся.

«Я?... Тимоша, рассказывай, рассказывай...

«Стой, попытаюсь, умѣю ли я молчать. Ну я молчу. Знатно, Тимоша, ай да Тимоша, знай себѣ молчить! Слова не говоритъ! Экое чудо! Отродясь не слыхалъ, какъ я молчу...

«Не мучь Тимоша! Ефимокъ дамъ....

«Два?...

«Два!...

«Три?...

«Три!...

«Давай три ефимка и ступай къ боярину. Въдь ты почитай Воевода. Царской милости и любви на тебѣ не мало... Отказъ не обухъ... Шишекъ на лбу не будетъ; попытка уда; иной разъ на дряннаго червяка стерлядь вытащишь... Ты же военной стати человекъ. Храбрости хватить, молодчества достанетъ. Какъ не великъ медвѣдь, а если съ доброй снаровкой мѣтко рогатиной озадачишь, сдастся. Слышишь, а мой Кречеть, не Лукьянъ Степанычъ... Право приходи; а въдь если не придешь, хуже будетъ, я самъ все расскажу... У меня въдь боярышня на сердцѣ... Зачѣмъ ты ей показался.... Въдь не я, ты виновать, такъ пустой любовью не безчестъ, сватайся.

«Да развѣ она тебѣ сказывала... Тимоша... ради Бога...

«Видно у тебя еще есть три лишніе ефимка; да я ужъ самъ не хочу... Говорять тебѣ: показался. На то двери и уши, чтобы чужія мысли знать...

«Что же она говорила?..

«Ничего!

«Какъ ничего, ни одного слова...

«Ни одного слова....

«Такъ какъ же ты узналъ?...

«Эхъ ты, умница! Коли ахъ за охомъ, да вздохъ за вздохомъ перекликаются, такъ ужъ вѣрно въ сердцѣ красный бѣсъ сидитъ. А ты знаешь красный на любовь, а черный на зло показываетъ; все одно, что корова на погоду... Прощай!...»

Тимоша шибко побѣжалъ по лѣстницѣ, въ калитку, на боярскій дворъ, да прямо въ терема стараго дома, куда уже переселился бояринъ со всѣмъ семействомъ. Стѣнныя дѣвушки, какъ говорится, уже были вставши, чесали косы другъ дружкѣ; смотрѣли че-

резь узкое окно на пепелище, на красное солнышко и шептались. Откуда ни возмись Тимоша, ту дернетъ за косу, другую ущипнетъ, третью защекочетъ. Поднялась суматоха, крикъ; изъ опочивальни вышла Евдокія Лукьяновна посмотрѣть, какъ старикъ забавляется.

«Видишь ты, чучело,» сказала сѣнная дѣвушка: «видно, ты боярышню разбудилъ...

«Нѣтъ, ничего, Тимоша,» сказала Евдокія Лукьяновна: «Параша и не раздѣвалась. Всю ночь такъ промаялась.»

Тимоша вошелъ въ спальню Парашы и сказалъ сурово: «Полно, племянница! Стыдно! Что ты у меня, дитя, что-ли? Велика бѣда, что полюбился Нѣмецъ! Малоли кто полюбится, такъ ужъ и не спать...»

Параша покраснѣла; Евдокія смотрѣла на него въ оба.

«Я былъ и у Нѣмца. И тотъ не спитъ да воркуетъ, Вотъ тебѣ и пожаръ; горѣло дерево, а людей тушить приходится... Ого! да и въ этихъ теремахъ жить вамъ нельзя! Окна противъ оконъ... Чего добраго; надо пойти сказать боярину...

«Тимоша... Тимоша!» закричала Параша: «вѣчная ссора, если...

«Видишь, племянница, зачѣмъ сразу дядѣ не повинилась. Признавайся, любишь?...

«А ты пойдешь, да отцу скажешь...

«Такъ не говори, племянница. Ты ужъ все сказала...

«Да что же я сказала?..

«Ну благо что Нѣмецъ идетъ... Пойти велѣть ворота отворить; придетъ по добру по здорову; да

у насъ отъ стараго пожара чадъ, угорѣеть, обожжется, полечится у Нѣмецкихъ знахарей — и выздоровѣеть; а тебѣ, племянница, нужно будетъ соннаго масла дать, да еще чего нибудь въ придачу, такъ дѣло и уладится...

«Тимоша, Тимоша!» кричали обѣ дѣвушки; но шутъ уже кланялся боярину и поздравлялъ его съ обновкой.

«Съ какой обновкой?» спросилъ Кречеть, сидя въ большихъ старинныхъ креслахъ и сводя итоги.

«А вотъ съ той обновкой, что будетъ; ты чай на бумагѣ новыя хоромы строишь: такъ ужъ не трудись теремовъ дѣлать. Пока домъ съ земли за уши подымутъ, дѣвушекъ на боярскомъ дворѣ не будетъ. Разберутъ!...

«Что ты говоришь. Видно ты, гдѣ ни есть, про сватовъ слышалъ. Только, признаюсь, я на Москвѣ всѣхъ жениховъ знаю. Всего трое, да и тѣ по нашему роду не приходятся. Боюсь я, что Параша долго въ дѣвкахъ просидитъ.

«Ну, братецъ, это ужъ не твое дѣло. У насъ нынче много новаго. Нѣмецкое войско одно чего стоитъ. Не равенъ часъ, еще прилучится какая бѣда...

«Хорошо, что ты мнѣ вспомнилъ. Пошли за полковникомъ. Надо его за труды наградить соболями, золотомъ, серебромъ, всякимъ добромъ, чтобы люди про насъ худаго не говорили.

«Ой, братецъ, мало!

«Что ты, Тимоша! Сорокъ соболей, сорокъ черныхъ лисицъ; это за меня... Золотое блюдо, сере-

бранный ларь съ посудой, по куску парчи и веницейскаго бархату; это за дочь,... три бочки вина, меду и пива, за Евдокью; да за прочихъ людей — добраго коня по его выбору.

«Ой, мало! Не возьметъ!»

«Да что онъ съ торгу выручалъ меня, что ли?...

«Почитай съ торгу! Видѣль онъ у тебя жемчужину...»

«Какую жемчужину?...

«Да вотъ пускай самъ расскажетъ. Пришелъ. Можно пустить....»

«Поди! Стану я съ нимъ говорить. Отдай ему подарки; чай уже казначей все приготовилъ, да и проводи....»

Тимоша ушелъ и воротился:

«Вотъ,» сказалъ онъ, «я и не пророкъ, а отгадалъ. Ничего не хочетъ; къ тебѣ просится.

«Поди, скажи, что я съ простыми людьми не говорю.»

Тимоша опять пошелъ и опять воротился.

«Нѣтъ, бояринъ, съ нимъ не сладишь. Баить, что онъ съ царемъ говорить: такъ боярской чести рѣчью своей не уронить.

«Вотъ присталъ. Ну, зови; только гляди, никому не сказывай!...»

Вошелъ Лесли; за нимъ Тимоша.

«Что тебѣ надо?» спросилъ бояринъ, не глядя на полковника.

Лесли смѣшался и не могъ начать рѣчи. Гдѣ же благодарность, на которую онъ такъ много рассчитывалъ? И благодарность за спасеніе жизни его,

боярина, и Параша! Лесли пылалъ досадою на себя и презрѣніемъ къ боярину. Тимоша почелъ за нужное вмѣшаться въ ихъ разговоръ и выручить обоихъ изъ затруднительнаго положенія.

«Слышь ты нѣмецъ!» сказалъ онъ, «говори боярину все, какъ отцу родному; онъ у меня, хотя и младшій братъ, да добрый такой... Говори, говори, онъ тебя помилуетъ.

«Если бъ я могъ надѣется,» отвѣчалъ Лесли, «что твое боярское вельможество не отвергнетъ моего предложенія! Давно уже я люблю твою дочь; но вчера только я могъ убѣдиться, увѣриться въ моихъ чувствахъ. Вчера только я понялъ, что я несчастнѣйшій человѣкъ, если она не будетъ моею женою!»

Бояринъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и глядѣлъ на Лесли съ безсмысленнымъ удивленіемъ, Лесли продолжалъ:

«Бояринъ! Я удивилъ тебя моею дерзостью, но...

«Нѣтъ! Ничего!» сталъ говорить Кречеть, едва складывая слова — «бываетъ на свѣтѣ и такая болѣзнь. А что Тимоша, онъ на людей не бросается...» Прибавилъ бояринъ тихо. Тимоша отвѣчалъ также: «Нѣтъ! Онъ только на дѣвушекъ нападаетъ и любить кусать ихъ въ руку...

«Экой недугъ!» сказалъ Бояринъ громко. «А что, у васъ есть въ полку и врачи? Неужто болѣзни и помочь нельзя?»

«Я понимаю, бояринъ, твою презрительную шутку, но клянусь Богомъ, не сержусь. Вижу только, что твои обычаи противны моему поступку. Я

не могъ медлить, засылать свахъ, переходить черезъ всю цѣпь твоихъ обрядовъ.... Я и ненуждаюсь въ нихъ, потому, что я уже видѣлъ Парасковію Ивановну!...

«Во снѣ, что ли? Видишь, недугъ съ горячкой! Поди же, пожалуй, проваливай; я не врачъ; ступай съ Богомъ!»

«Шутка бояринъ можетъ сдѣлаться обидой. Я не прощу обиды... Я не съумасшедшій!»

«Господи Боже мой,» сказалъ жалобно бояринъ, «такъ кто же ты! Ну, самъ посуди, какъ я долженъ объ тебѣ думать...

«Какъ, о честномъ и благородномъ сановникъ Царскомъ.

«Да я такъ и думаю, только съ прибавкой: что тебя сегодня на пожаръ видно трудъ уходилъ; дымомъ голову повредило; вѣтромъ проняло. Вотъ что я думаю... А если бы я этого не думалъ, такъ вѣдь у меня малая толика людей дворовыхъ... Мы бы тебя за такую шутку по свойски отподчивали!... И какая это шутка? Такой обиды чай ни одному боярину, при самыхъ самозванцахъ, проглотить не приходилось. Да ужъ не даромъ примѣтчицы говорятъ: бѣда одна не ходитъ, а ужъ если гдѣ пожаръ, тамъ жди всякаго недобраго... И я...

Бояринъ не успѣлъ окончить. Вошелъ царскій прислужникъ и подалъ Кречету указъ.

«Прочти!» сказалъ бояринъ Тимошъ, а тотъ прочелъ.

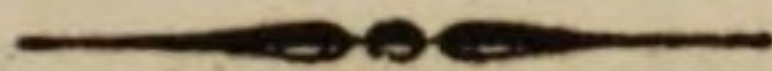
Лѣта семь тысящъ сто тридцать четвертаго, іунія въ 10-й день Государь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, совѣтовалъ съ Отцомъ Своимъ Великимъ Государемъ Святѣйшимъ Патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, Московскимъ и всея Россіи и съ Матерью Своею Великою Государынею Инокою Марѳою Ивановною, чтобъ ему Государю сочетатися законному браку, въ наслѣдіе роду Его Царскаго. И Великій Государь, Святѣйшій Патріархъ, Филаретъ Никитичъ, Московскій и всея Россіи и Великая Государыня Инока Марѳа Ивановна, Сына Своего Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича, всея Россіи, сочетатися законному браку благословили. И Государь Царь и Великій Князь указалъ, какія на Москвѣ ни есть дѣвицы княжескаго и боярскаго роду, іунія въ 11-й день, послѣ вечерень, матеремъ или ближнимъ сродичамъ отвести тѣхъ дѣвицъ къ Великой Государынѣ Инокѣ Марѣ Ивановнѣ, и велѣлъ тотъ указъ подписать думнымъ дьякамъ, Ивану Грамотину, да Ѳедору Лихачеву, да....

Но бояринъ уже неслухалъ окончательныхъ формулъ тогдашнихъ указовъ; лице его сіяло радостью; онъ поднялся съ креселъ торжественно, посмотрѣлъ на Лесли презрительно, сказалъ ему съ лукавою усмѣшкой:

«Вотъ для моей Параши женихъ, такъ женихъ!» И ушелъ медленно и важно во внутренніе покои...

«Да,» прибавилъ Тимоша, «съ такими женихами не потягаешься... А ужъ на Москвѣ давно слухъ живетъ, что краше моей Параши во всемъ царствѣ дѣвушки нѣтъ....

«Все погибло!» сказалъ Лесли. Ни дядя Тимоша ни самъ гордый отецъ не были такъ увѣрены, какъ Лесли, въ томъ, что выборъ падеть непременно на Прасковью Ивановну, потому что полковникъ любилъ красавицу больше и дяди и отца вмѣстѣ.

ГЛАВА IV.

ВЫБОРЪ ЦАРСКОЙ НЕВѢСТЫ.

Смотръ кончился. Дѣвушки сбѣжались въ одну кучу и поздравляли веселую Парашу. При каждой была служанка изъ дальнихъ родственницъ, изъ бѣдныхъ дворянокъ; между ними была и Евдокія Лукьяновна; она спокойно убирала разныя принадлежности тогдашняго туалета и только одна неучаствовала въ общей радости...

«Жаль мнѣ этого Нѣмца,» подумала она; «крѣпко полюбилъ онъ Парашу. Но Богъ милостивъ, найдетъ онъ себѣ другую любовь, вольная птица. Какъ прикажешь, Параша, оставаться ли при тебѣ или домой ѣхать?»

«Да съ чего вы взяли?» спросила Параша весело. «Что, Царь выбралъ меня?»

«Какъ, съ чего взяли,» сказала одна изъ княженъ и боярышень: «Государь простоялъ возлѣ тебя очень долго, а потомъ пошелъ такъ скоро, что на насъ и взглянуть не успѣлъ.»

«Такъ знайте же, мои милыя, что онъ и на меня не больше разу взглянулъ...»

«Такъ на кого же смотрѣлъ онъ?»

Параша не успѣла отвѣчать, двери растворились, вошли прислужницы съ Верху, т. е. изъ царскихъ теремовъ, гдѣ жили Царевны; прѣшли мимо всѣхъ боярышень, спросили Прасковью Ивановну, потомъ у Прасковьи Ивановны, гдѣ ея комнатная дѣвушка; Параша показала на Евдокію и прислужницы поклонились ей въ землю... Евдокія испугалась и стала кричать... Всеобщее изумленіе и радость, непритворная радость одной только Параше, все это вмѣстѣ представило чудную картину.

«Успокойся, Государыня Царевна,» сказали дѣвушки съ Верху: «Государь избралъ тебя для своей Царской радости. Иди съ нами...»

«Не правда, не правда,» кричала Евдокія. «Онъ выбралъ Парашу...»

«Тебя, Государыня Царевна, не гнѣвайся на насъ; мы только правимъ волю Его.»

«Параша, Параша!.. Чего онъ хотятъ отъ меня! Растолкуй имъ, что я бѣдная дворянка, что мнѣ Царицей быть не приходится...»

«Всѣхъ бояръ,» отвѣчала Параша: «Царь боярами сдѣлалъ, такъ ты не упрямся и не гнѣви Великаго Жениха твоего.

«И ты то же, Параша?» со слезами сказала Евдокія...

«И я то же,» отвѣчала Параша, кланяясь ей въ ноги. «Радуюсь и поздравляю тебя, Евдокія Лукьяновна. Ты достойна быть Царицей! Богъ тебѣ для такого сана, и образъ небесный и ангельское сердце даровалъ. Не оставь меня своею милостью, какъ ты не оставляла меня своею дружбой и любовью!

«Параша!»

Подруги обнялись и сладко плакали... Между тѣмъ, не смотря на глубокую ночь, на перекличку пѣтуховъ и темноту улицъ, Москва, не въ примѣръ другимъ днямъ, не спала; по улицамъ стучали колымаги; бояре ѣздили одинъ къ другому и заключали между собою союзы на случай выбора невѣсты изъ того или другаго рода. Избраніе Царской невѣсты было всегдаслишкомъ важнымъ событіемъ въ боярской іерархіи; молодые сродичи Царицы возвышались на счетъ стараго боярства; нечувствительно среди могущественныхъ, тѣсно связанныхъ партій, возставала новая, сильнѣйшая и способностями и вліяніемъ. Надо было обновить союзы, укрѣпиться впередъ противу того или другаго рода, придумать планы новыхъ козней, и все это дѣлалось за скоростью въ самую ночь выбора, потому что утромъ многіе бы перемѣнили свои мысли; многіе бы пристали къ противной сторонѣ; надо было размѣняться словомъ — и тогда уже отставать не годилось. Больше всѣхъ хлопотали отцы, которые знали, что дочери у нихъ красавицы и потому не удивительно, что бояринъ Кречетъ всю ночь не былъ дома. Тимоша воспользовался

отсутствіемъ боярина и пошелъ на вечеринку къ Орлею. У капитана въ тотъ вечеръ были гости. Между ними печальный Лесли и Мустафа, купецъ Персидскій, *задушевный другъ* капитана Орлея. Онъ дѣлалъ въ угодность хозяина все, что только тому на умъ ни приходило: плясалъ, пѣлъ, пилъ пиво, а Орлей только подхваливалъ Мустафу, только восхищался его талантами и не зналъ чѣмъ повеселить дорогаго гостя...

«Слушай, другъ!» сказалъ Орлей, ударивъ по плечу Мустафу. «Ты моей ротъ по рублю далъ, за усердіе: такъ ужъ позволь мнѣ расчитаться съ твоими людьми, позволь угостить ихъ виномъ и ужиномъ...

«Много будетъ, капитанъ, много будетъ, ихъ больше чѣмъ три десятка.

«Вотъ вздоръ какой! Знаешь ли, у насъ Англичанъ, у простыхъ офицеровъ бываютъ балы на тысячу персонъ. Тутъ въ Москвѣ боярская спѣсь мѣшается, а то бы я задалъ такой пиръ, что царство бы ахнуло. Вели позвать своихъ людей, а то если мой король узнаетъ, скупцомъ назоветъ. Не обижай друга!

«Да они вина не будутъ пить.

«Вздоръ, будутъ, только ты не мѣшай.

«Постой же, я самъ за ними схожу.»

Столъ для Персіянъ давно былъ готовъ на узкомъ дворѣ подъ навѣсомъ. Гости не чинились. Орлей скоро достигъ цѣли всѣхъ гостепріимныхъ хозяевъ. Перепились Персіяне и побрели домой чуть чуть не на четверинкахъ. Между тѣмъ Орлей усадилъ главнаго друга за шахматы съ полковымъ лекаремъ, подливалъ въ стаканы какой-то сладкій сокъ и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ гости Орлея уснули, гдѣ кому случилось, кромѣ одного Лесли. Полковникъ давно уже оставилъ шумное общество и бродилъ по Кремлю, около царскаго чертога, гдѣ множество ко-

лымагъ и прислужниковъ говорило о необыкновенномъ съѣздѣ... Орлей больше другихъ старался опоить шута; Тимоша не позволилъ себя упрашивать и первый нализался сладкаго яда, но на бѣду, первый проснулся, протеръ глаза, всѣ спали, всѣ вчерашніе собесѣдники были на лицо, неоставало одного Орлея... А гдѣ же былъ Орлей? Онъ давно уже забрался на Персидскій дворъ, съ величайшею осторожностью прошелъ мимо спящихъ людей; отравилъ псовъ, и не смотря на глубокій мракъ, нашелъ слѣдъ огня сквозь щели одной ставни. Смотрить: тамъ Фатима одна... Ставня распахнулась, Фатима отперла окно, узнала капитана, сначала было вздумала перепугаться, но проворный Орлей уже былъ въ комнатѣ, уже потушилъ огонь, и Фатима сама уже стала говорить ему: «Тиха, тиха, не говори такъ не тиха, мужа услышитъ.»

«Гм!» сказалъ Тимоша, оглядываясь: «мужъ пьянъ, а у жены похмѣлье... Вотъ поди, чего не выдумаетъ заморская хитрость! Экой проказникъ. Выдать его, уши обрубить; не выдать—заплатить...

«Непремѣнно,» сказалъ Орлей, входя въ комнату. «Но также непремѣнно поколотить, если кто станетъ о такихъ важныхъ государственныхъ тайнахъ разсуждать вслухъ...

«Да что же ты хочешь меня въ свои думные дѣяки взять, что ли?

«Пожалуй, хотя мнѣ вовсе секретаря не нужно. Всѣ мои политическія сношенія съ Персидскимъ царствомъ производятся живымъ языкомъ и наличными деньгами. И ужъ если ты непремѣнно хочешь получить при мнѣ выгодное мѣсто,—изволь; я принимаю тебя на службу, ты по-Персидски не знаешь, но все равно, жалую тебя въ толмачи.

«Милости твоей благодарствую ; а великъ ли будетъ окладъ?»

«Молчи... Я примѣчаю движеніе въ непріятельскомъ станѣ. Молчи и спи...» Орлей упалъ въ первыя пустыя креслы, Тимоша растянулся на полу и оба уснули... Но за то проснулся Мустафа, протиралъ глаза и не вѣрилъ, что проснулся... Мало по малу онъ сталъ припоминать событія вчерашняго дня и улыбался, покачивалъ головой, поглаживалъ бороду и опять улыбался... Онъ не сводилъ глазъ съ серебряныхъ стопъ и съ Нѣмецкихъ бутылокъ; примѣтно было, что съ этой стороны ему понравилась Европа... Не извѣстно, какія послѣдствія должны были произойти изъ этого созерцательнаго состоянія духа Мустафы, потому что глубокомысленныя, истинно восточныя его размышленія были прерваны вѣрными Персіянами. Они раскричались еще на дворѣ и разбудили всѣхъ собесѣдниковъ.

«Что случилось, что случилось?» кричалъ Мустафа.

«Злые духи всѣхъ твоихъ собакъ отравили.

«Всѣхъ трехъ?»

«Всѣхъ трехъ!»

«А товары? а Фатима?...»

«Цѣлехоньки!»

«О, это видно хитрый воръ былъ у тебя,» сказалъ Орлей значительно. «Сначала отправилъ собакъ, потомъ и до людей дѣберется... Иди къ полковнику, Мустафа; проси, чтобы онъ тебѣ далъ съ полдюжины добрыхъ солдатъ; пускай у тебя живутъ будто на постоѣ. Расходъ вздорный, а ужъ за то безопасно.

«Ахъ, какъ бы это было хорошо!» сказалъ Мустафа умильно. «Но полковникъ такой злой: вчера со мной слова не сказалъ.

«Это съ виду, а въ самомъ дѣлѣ Лесли—первый человекъ на цѣломъ свѣтѣ... Да ты пожалуй не трудись. Для добраго друга я самъ объ этомъ похлопочу, а ты ступай теперь домой, погляди самъ, нѣтъ ли гдѣ изъяна какого; что на людей полагаться?...»

«Вотъ другъ!» сказалъ Мустафа: «и дѣломъ и совѣтомъ.»

«Вотъ козелъ!» прибавилъ тихо Тимоша. «Видно, у него въ огородѣ много всякой зелени; другаго козла на помощь просить.»

Собесѣдники стали расходиться, хотя на дворѣ только что заря занималась. Вдругъ загудѣлъ Иванъ Великій и за исключеніемъ Мустафы всѣ бросились къ Кремлю; всѣ знали, что этотъ колоколъ созываетъ всѣ духовныя и мірскія власти, да услышать, кого Государь выбралъ себѣ въ царскую радость. Но въ Кремль не было никакой возможности протѣсниться. Всѣ ворота были не заперты, а залиты народомъ. Въ Успенскомъ Соборѣ собрались всѣ государственныя чины. Ожиданіе было написано на всѣхъ лицахъ, можно было какъ на ландкартѣ указать, какъ въ эту ночь раздѣлилась Москва на партіи, потому что каждая отъ другой отдѣлялась явственными проходами; по этимъ дорожкамъ могли свободно пройти два человека въ рядъ. По срединѣ воздвигнутъ былъ небольшой амвонъ. Послѣ третьяго удара въ большой колоколъ, на амвонъ вошелъ думный дьякъ Грамотинъ, и объявилъ, что Государь избралъ въ невѣсты дѣвицу Евдокію, дочь Можайскаго дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева. Своды Успенскаго храма застонали, и одновременно изъ устъ боярскихъ вырвалось единодушное удивленіе. Всѣ опечалились. Никто не могъ понять, откуда ниспослана Государю эта невѣста; который родъ отъ

выбора этого получить пользы, которые потеряютъ. Бояринъ Кречеть больше всѣхъ былъ опечаленъ. Въ первыя минуты общей смуты, онъ даже забылъ, что невѣста — его родственница, что ближе всѣхъ къ нему царская милость; и тогда только опомнился, когда кто-то изъ бояръ спросилъ у него: да не притвоей ли дочери Царевна была въ прислужницахъ? Въ это мгновеніе оскорбленныя надежды, злоба, месть, досада, стыдъ, все проснулось въ сердцѣ Кречета, разумъ его сложилъ слово проклятiя... но онъ вспомнилъ, что Евдокія—невѣста Царя.... и онъ мѣлъ, и бормоталъ несвязныя рѣчи, и разсмѣшилъ самыхъ степенныхъ сановниковъ... Какъ бы то ни было, воля великая объявлена и—недовольные бояре потянулись изъ Успенскаго Собора на Красное Крыльцо... Народъ, наполнявшій и окружавшій Кремль, громко прославлялъ мудрость цареву. Крики радости потрясали воздухъ, колокола гудѣли, Тимоша бѣгалъ изъ улицы въ улицу по всему сосѣдству и кричалъ: Наша взяла! наша взяла!....»

ГЛАВА V.

—

ЦИНЦИНАТЬ.

=

Въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ Можайска, по Московской дорогѣ, лежала небольшая деревня, а за ней на холмикѣ стоялъ господскій домъ, не большой, съ немногими службами, но чистый, опрятный; отъ дому, къ пахатному полю, по холму, лѣпился довольно обширный молодой садъ. Утро едва занялось на востокъ и позлощало бѣдный городокъ Можайскъ съ его единственнымъ Лужецкимъ мона-

стыремъ и немногими церквами. Вдали синѣла Москвѣ рѣка, и Можайскіе холмы... День былъ прекрасный. Золотая жатва мягкимъ ковромъ стлалась вокругъ господскаго дома; но полоса, примыкавшая къ Московской дорогѣ, не была засѣяна; на ней въ трехъ разныхъ мѣстахъ шли три лошади, и тащили за собой три сохи и трехъ работниковъ.

«Кончай, Евлампій!» сказалъ одинъ изъ нихъ въ красной рубахѣ, въ чистыхъ бѣлыхъ исподняхъ, въ легкомъ колпакѣ изъ простой соломы, весьма искусно сдѣланномъ. «Сережа, видишь, кончается, я тоже, а ты сегодня, кажись, птицъ заслушался.»

«Жаворонокъ, баринъ,» отвѣчалъ Евлампій.

«Ужъ и жаворонокъ. Мало ли какихъ у Бога птицъ нѣтъ. Слушай себѣ сколько хочешь, только сегодня надо всю эту полосу кончить до обѣдень. Сегодня, ты знаешь, праздникъ, хотя работать можно, да все таки къ обѣднѣ сходить не мѣшаетъ. Въ нашемъ городѣ и кѣлокола добраго нѣтъ. Чиликаютъ себѣ на малыхъ звонкахъ, до насъ и не дохватить, а чтобы не опоздать, всегда къ *первому часу* придешь; я ужъ скоро весь часословъ буду знать. Ну, Евлампій, пусть себѣ жаворонокъ поетъ, вѣдь и онъ дѣло дѣлаетъ. Не мѣшай ему работать.»

«Охъ, плохо, баринъ; не будетъ проку въ нашей работѣ. Чернецъ идетъ.»

«Охъ плохо, Евлампій, не будетъ проку въ твоей работѣ, когда ты слугъ Божьихъ бабьими сказками обижаешь.»

«Ей, баринъ, праздникъ. Чернецъ, бросимъ лучше сегодня работу. Времени хватить. Погляди: у сосѣдей яроваго еще и не сѣяли, а у тебя подъ паръ почитай земля готова.»

«Воля твоя, Евлампій; вѣдь ты мнѣ не изъ дружбы, не изъ крѣпости работаешь, а изъ платы. Не хочешь, ступай съ Богомъ, а я другаго найму, а если времени хватить, такъ и самъ доработаю. Вотъ и Сережа! Что? Кончилъ?...»

«Кончилъ, баринъ.»

«Ну, вотъ тебѣ твоихъ семь денегъ, да возьми мое спасибо въ придачу... а соху и лошадку потрудишься на мѣсто поставить.»

Сережа получилъ деньги, поклонился, приподнялъ соху и погналъ лошадь къ господскому двору. Въ это время, чернецъ поровнялся съ нашими новыми знакомцами:

«Богъ помощь,» сказалъ онъ.

«Спасибо, честной отецъ; куда Богъ ведетъ?—»

«На Москву, Лукьянъ Степановичъ, на Москву, на монастырь собирать; право неохотно, да что будешь дѣлать. При самозванцахъ, всѣ волости наши раззорили, а и тѣхъ сколько, самъ знаешь, весь доходъ пошелъ на то, чтобъ крестьянъ пообстроить, да поустроить, такъ нѣтъ, и крестьянъ сосѣдніе бояре сманили; придетъ юрьевъ (*) день, сотнями приходятъ въ монастырь, расплатятся, бросятъ по деньгѣ въ кружку, иногда съобща молебень отправятъ, да и переходятъ къ боярамъ. А что досадно, есть и указъ Василья Ивановича Шуйскаго; онъ было всѣхъ крестьянъ на мѣстахъ закрѣпилъ, да поди теперь съ боярами тягайся; у нихъ и люди наши, у нихъ и Царская дума. Не совладаешь.»

(*) Всѣмъ извѣстный древній обычай, по которому крестьяне могли въ этотъ день переходить отъ одного владѣльца къ другому

Лукьянъ Степановичъ Стрешневъ (то былъ знаменитый родитель Государевой невѣсты) посмотрѣлъ на чернеца съ неудовольствіемъ и сказалъ:

«Въ Евангеліи и во всѣхъ священныхъ книгахъ много писано о томъ, что житейскія хлопоты не наше дѣло. Такъ ли, отецъ Іоасафъ?»

«Такъ!»

«Вотъ у меня крестьянъ было рабочихъ душъ триста; да роденька по сосѣдству, бояринъ, изъ первыхъ боярскихъ родовъ; онъ, для забавы, и давай сманивать моихъ крестьянъ; да не одного, не двухъ, а всѣхъ вмѣстѣ; такъ что въ одинъ юрьевъ день я остался съ большими землями, да съ двумя руками. Эти руки—были мои. Земля даръ Божій, что ему впускъ лежать; я и пошелъ къ боярину и говорю ему: Иванъ Александровичъ, люди мои тебя полюбили, да и я тѣхъ людей люблю; ушли отъ меня, Богъ съ ними, только пускай и землю съ собою возьмутъ...

«Что же, Лукьянъ Степановичъ, бояринъ взялъ землю?»

«Взялъ, да въ придачу дурака моего и друга сманилъ. У меня остался вотъ этотъ домишко, да поле что видишь. Съ меня довольно... Я въ то время былъ не такъ еще старъ, жена со вторымъ ребенкомъ ходила; меня горе не тронуло, ну, а женщина не смогла: и ребенка мертвымъ родила и сама умерла. Въ цѣломъ дворѣ остался я, да маленькая дочка лѣтъ десяти. Взялъ я на руки ее, да и отнесъ къ боярину. За Иванъ Александровичемъ была моей жены внучатная племянница—добрая, умная женщина. Я ей и отдалъ дочку, пусть растеть съ боярской дочкой до замужства, однолѣтки. Да вотъ придется скоро итти на Москву, дочку замужъ выдать; бѣдность, правда, да собой хороша, жениха найдетъ.

«Какъ же ты, Лукьянъ Степановичъ, теперь живешь?»

«Какъ Богъ велитъ. Работаю. Вотъ, признаюсь, и вамъ я посовѣтовалъ бы тоже. Что чужими руками жаръ загребать. Трудъ Божіей службѣ не помѣха. А васъ на монастырь сколько?»

«Да разное. Иноразъ двадцать, иноразъ три, четыре. Ты знаешь, у насъ и монахи, что крестьяне, поживутъ, поживутъ, прискучится да и въ путь, а куда — Богъ въдаетъ (*). Да и ты, Лукьянъ Степановичъ, будто все поле и всѣ работы самъ въдаешь...

«Первый годъ — все самъ, да умаялся, Богъ благословилъ, знатный урожай былъ, деньги завелись, я и давай нанимать, да только для жатвы, сѣнокоса, или вотъ когда пахать придется. У меня наемникъ столько сдѣлай, сколько я, больше не требую. Такъ, право, отецъ Іоасафъ, не повѣришь, столько времени, что куда дѣвать не знаю. Погляди какъ садъ-то у меня зеленѣетъ. Пятый годъ, не больше, а ужъ есть гдѣ и посидѣть, и книгъ почитать; дай Богъ здоровье вашему Можайскому протоіерею. Онъ сердечный въ зимніе мѣсяцы ко мнѣ почитай каждую недѣлю два три раза ѣздилъ; Латинскому и Греческому языку наставлялъ; хотимъ на эту зиму за Еврейскій приняться.

«Да зачѣмъ тебѣ все это?»

«Эхъ, отецъ Іоасафъ! Землю что годъ надо перекинуть, такъ и разумъ; а не то дурной травой поростетъ. Тѣло работаетъ только для тѣла. А душа-то

(*) Въ эти времена монашествующіе также имѣли свободу переходить изъ монастыря въ монастырь, какъ заблаго разсуждали.

причемъ останется? И она если не знаетъ чего, значить и у нее голодъ. Что это, честный отецъ, видно войско какое въ Можайскъ идетъ! Да время кажется мирное....»

«Нѣтъ, Лукьянъ Степановичъ, то Царскіе люди...»

Въ это время подъѣхали верхомъ дворянскіе дѣти, за ними думный дьякъ Грамотинъ, а за нимъ въ золотой колымагѣ Кречеть и еще другой бояринъ; за колымагой тянулся небольшой обозъ и отрядъ коннаго Нѣмецкаго войска.

«Богъ помочь,» сказалъ передовой: «не знаете ли, гдѣ здѣсь живетъ Лукьянъ Степановичъ Стрешневъ?»

«Не знаю,» отвѣчалъ Стрешневъ...

«Какъ не знаешь?» спросилъ изумленный чернецъ.

«Да развѣ не видишь, что имъ дѣло не до меня; видно есть на свѣтѣ другой такой, а Царскіе люди со мною никакого дѣла имѣть не могутъ. Видишь, тутъ цѣлое посольство.»

Между тѣмъ поѣздъ подвигался впередъ. Колымага поровнялась съ нашими собесѣдниками, и Кречеть закричалъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ! Стой!...»

Поѣздъ остановился; бояре вылезли изъ колымаги, всадники спѣшились и окружили Стрешнева... Кречеть, кланяясь въ землю, сказалъ:

«Бью челомъ Государю моему милостивцу и поздравляю. Дочь твою Царевну Евдокію Лукьяновну Государь избралъ себѣ въ невѣсты. Радуйся и благодарь Господа!»

«Радуюсь и благодарю Господа, что не надо въ Москву ѣхать жениха искать...»

«Что ты это, бояринъ! Государь прислалъ насъ за тобою, велѣлъ тебѣ эту грамоту отдать, дары къ но-

гамъ твоимъ положить, и просить тебя въ Москву къ Нему пожаловать...

«Милости просимъ въ домъ, честные господа, а тутъ мнѣ принимать васъ не приходится. Пойдемъ полемъ, ближе будетъ.»

Сказавъ это, Стрешневъ пустилъ соху въ землю и погналъ лошадку... То была послѣдняя борозда, которую оставалось провести на всей полосѣ, потому что Евлампій, во время разговора Стрешнева съ чернецомъ, успѣлъ окончить свою работу... Лошадь подвигалась медленно. Стрешневъ не спѣшилъ, желая кончить, какъ началъ, и когда вынулъ соху, подозвалъ Евлампія, расплатился, поднялъ соху и погналъ лошадку на чистый дворъ. На дворѣ онъ попросилъ гостей въ комнаты, а самъ отвелъ лошадь на конюшню; снялъ съ нея хомутъ; подложилъ ей сѣна; устави́лъ соху подъ навѣсъ; зашелъ въ опочивальню, умылся, одѣлся въ добрые, но простые сапоги, въ охабень грубаго синяго сукна; подпоясаясь; расчесалъ сѣдые кудри и вышелъ къ боярамъ съ низкимъ поклономъ. Грамоту Стрешневъ принялъ на колѣнахъ, поцѣловалъ Царскую подпись и положилъ подъ образами. Потомъ сталъ принимать подарки, и послѣ каждого кланялся боярамъ. Подали ему наконецъ и платье, въ которомъ онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву.

«Это что?» спросилъ онъ. Ему объяснили.

«Вотъ что! Царь хотѣлъ сдѣлать мнѣ удовольствіе; но я этой одежды не надѣну. Моя знатнѣе; та жалованая, эта заслуженая. Царскаго дара не отвергну. Пусть лежитъ съ другими подарками...

«Государь нашъ милостивецъ,» сказалъ Кречеть жалобно : «не забудь , что дочь твоя — Государева невѣста.

«Такъ вѣдь она , а не я невѣста. Чѣмъ же я виновать, что она Царская невѣста? Это ея, а не моя заслуга. Тутъ моего труда нѣтъ. И жизнь и красоту Богъ ей далъ. А я стану чужимъ счастьемъ чваниться!... Говорите вы, есть вамъ Царскій указъ мнѣ въ Москву ѣхать... Ёдемъ, только дайте мнѣ татарку заложить...

«Государь нашъ милостивецъ! для тебя прислана золотая Царская колымага.

«Поѣзжайте вы въ ней , бояре. Я ѣду не къ Царицѣ, а къ дочери; мнѣ это все не въ приличіе. Я мое мѣсто знаю...»

Сказавъ это, Стрешневъ пошелъ на дворъ; выкатилъ изъ сарая плетеную камышемъ татарку, вывелъ изъ конюшни лошадь и сталъ запрягать. Посольство сначала съ изумленіемъ глядѣло на всѣ эти приготовленія, потомъ всѣ бросились помогать Стрешневу... Запрягли татарку въ одно мгновеніе; сложили въ нее всѣ подарки; Стрешневъ взялъ шапку; вывелъ лошадь за ворота; заперъ дворъ на ключъ, сѣлъ и поѣхалъ впередъ; посольство за нимъ; выѣхали на большую дорогу и Стрешневъ поворотилъ въ Можайскъ. «Не туда, не туда,» кричали бояре. Но Стрешневъ не слушалъ ихъ восклицаній и остановился только у паперти Лужецкаго монастыря. Отслушавъ обѣдню, Стрешневъ просилъ на гробъ Преподобнаго отца Ферапонта, ученика Сергія, Радонежскаго чудотворца и строителя монастыря, отслужить благодарственный мо-

лебень — и всѣ полученные имъ подарки положилъ на гробницу Святаго. Поклонясь честнымъ мощамъ преподобнаго и выслушавъ краткое напутствіе архимандрита, Стрешневъ сѣлъ въ свою татарку и поѣхалъ въ Москву.

Юный Царь съ нетерпѣніемъ ожидалъ отца своей будущей супруги. Избравъ невѣсту изъ мелкаго дворянскаго рода, Государь, по соображеніямъ историковъ, соединилъ съ влеченіемъ сердца и политическіе виды. Всѣмъ извѣстны событія перваго выбора съ дѣвицей Хлоповой; несчастное, кратковременное супружество съ княжной Долгоруковой; въ обоихъ случаяхъ Царь видѣлъ, что вся бѣда происходитъ отъ боярскаго соперничества; но отъ родни бѣдной дворянки нечего было ожидать, кромѣ безконечной благодарности, напряженнаго усердія и слѣпаго повиновенія, безъ всякихъ козлей и происковъ, которые, если бы и оказались, то утушить ихъ не представлялось ни какой трудности... Съ примѣтнымъ беспокойствомъ услышалъ Государь о пріѣздѣ Стрешнева; вышелъ въ золотую палату и ожидалъ пословъ своихъ съ будущимъ тестемъ. Стрешневъ вошелъ первый, со всею непринужденностью, не скажу придворнаго, но философа; поклонился Царю въ землю трижды, всталъ и глядѣлъ покойно въ Царскія очи. Юноша Царь смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

«Лукъянъ Степановичъ! Богу изволившу,» сказалъ Царь. «Мы избрали дочь твою единородную для Царской Нашей радости...

«Я уже благодарилъ Господа за такую великую милость къ моей дочери. Пришелъ благодарить

тебя. Прими, Государь, мою благодарность и отпусти раба твоего къ сохъ и нивамъ... Тамъ мое мѣсто!»

Удивленіе Царя возрастало.

«Какъ! Ты не хочешь остаться съ Нами?

«Зачѣмъ, надежа Государь...

«Какъ, зачѣмъ! Ты отецъ моей невѣсты...

«Если воля твоя такая, я останусь на свадьбу...

«А послѣ...

«Наступаетъ жатва, рабочее время...

»Но я хочу, чтобы ты остался здѣсь, занялъ свое мѣсто между князьями и боярами, былъ намъ другомъ и совѣтчикомъ.

«Ты мнѣ, Государь, послѣ Бога первый! Приказывай, но выслушай. Я думному дѣлу не привыченъ. Какой изъ меня будетъ сановникъ? Одинъ бояринъ глупъ, а у тысячи отъ его глупости голова болить. Не хотѣлъ бы я на себѣ видѣть слезъ людей невинныхъ. Для прислуги твоей домашней — я готовъ, да старъ больно. Теперъ я счастливъ, а засну отъ старости, недалеко и до опалы. Къ чему же я годенъ, Государь!

«Къ дружбѣ твоему Государю!» отвѣчалъ Михаилъ съ кротостью и протянулъ къ нему руку. Стрешневъ поцѣловалъ руку и со слезами повзился къ ногамъ Царя. По Царскому мановенію бояре подняли Стрешнева, а Государь сказалъ ему ласково:

«Угадываю твои желанія! Санъ твой при моемъ дворѣ — да будетъ полная воля; а долгъ твой, не уѣзжать никуда изъ Москвы безъ Насъ и каждый день видѣться и со мною и съ невѣстой моей.... Пойдемъ къ ней!»

Царь съ Стрешневымъ ушелъ въ терема, гдѣ Евдокія Лукьяновна ожидала родителя... Увидавъ отца, Евдокія бросилась ему въ ноги. Стрешневъ поднялъ ее, поцѣловалъ, перекрестилъ небольшимъ образомъ и повѣсилъ его дочери на шею. — «Передаю тебѣ благословеніе матери; будь для всѣхъ людей земли Русской тѣмъ, чѣмъ она была для тебя и помни, что я только первый твой сынъ, не больше! а дастъ Богъ дѣтей тебѣ, съ каждымъ, отецъ твой одной ступенькой отъ тебя подальше. Но изъ виду, т. е. изъ любви его не теряй никогда... А изъ любви значить дѣлай все такъ, чтобы ему не покраснѣть за тебя. А какъ мнѣ сказали, будто я у Царя и у тебя сегодня долженъ просить милости, такъ я къ вамъ и просьбы приготовилъ Тебѣ, Государь, бью челомъ, пошли въ нашъ Можайскій соборъ добрый колоколъ, а тебѣ, Государыня — молись обо мнѣ, чтобы господь уклонилъ сердце мое отъ соблазна честей, потому что съ ними я потеряю мое сердце. Вотъ и все тутъ.

«Куда жъ ты?» спросилъ Государь.

«Позволь мнѣ въ Москвѣ осмотрѣться и поустроиться...»

«Въ моемъ дворцѣ все для тебя готово.

«Государь, ты обѣщалъ мнѣ волю.

«Ступай, ступай, но не забывай же и ты своихъ обѣтовъ.»

На крыльцѣ ожидалъ Стрешнева Кречеть со многими боярами, чтобы проводить его въ назначенное жилище.

«Нѣтъ,» сказалъ Стрешневъ: «пустите меня. Я себѣ найду въ Москвѣ домъ по моему вкусу. Съ садомъ и прудами...

«Государь нашъ милостивецъ,» сказалъ Кречеть, низко кланяясь : «возьми мой садъ со всѣми угодьями. Ты его знаешь. Возьми его. Тамъ и домъ жилой есть, и церковь возлѣ, и никто тебя не обеспокоитъ...»

Стрешневъ подумалъ и сказалъ : «Хорошо. Спасибо.»

И въ саду, въ этомъ дорогомъ саду, гдѣ разыгралось первая сцена нашей повѣсти, поселился новый Цинцинать, Можайскій дворянинъ, Лукьянъ Степановичъ Стрешневъ.

ГЛАВА VI.

СВАТЪ.

Прекрасное уединеніе въ саду Ивана Александровича.

«Вотъ , Государь мой и милостивецъ!» говорилъ Кречеть, показывая Стрешневу садъ свой и всѣ его угоды : «вотъ прудъ: тутъ водятся лещи огромныя; прадѣдъ еще самъ сажалъ ихъ въ этотъ прудъ... А тамъ другой, побольше, съ разной рыбой; а вотъ тамъ есть птичникъ и голубятня... Всякая птица

есть, и еще припасемъ... Вотъ это у меня лѣтній домъ, только и зимой жить можно: печи уже при мнѣ сдѣланы; а тутъ цвѣтники: въ нихъ всякое растеніе; садовникъ это растеніе у Нѣмцевъ перенялъ, да и еще перейметъ: онъ у меня смѣтливый; да и сосѣдъ у меня Персіяннинъ, у него Цареградскіе цвѣты есть. А что тебѣ не покажется, только прикажи—все будетъ, какъ въ сказкѣ. Только, Государь мой и милостивецъ, не сердись за старое; право всѣхъ людей отдамъ; всѣ волости возвращу; мнѣ твоего не надо; а держалъ я все это для твоей же дочери. Благо, теперь приданого не надо; все тебѣ возвращу...

«Не нужно! я объ нихъ и не вспомнилъ бы, если бы ты самъ не началъ. Ну, а если началъ, такъ отдай мнѣ моего дурака Тимошу. Чай, сталъ вратъ по столичному, по-Нѣмецки и Персидски выучился. Что, онъ у тебя еще?...

«Сейчасъ, Государь и милостивецъ, сейчасъ пришлю его; только ты не говори Государынѣ о старомъ времени. Вѣдь она дитѣй въ мой домъ пришла; ничего не знаетъ...

«Только ты мнѣ Тимошу пришли: буду молчать; я вѣдь и тебѣ не попрекнулъ; кто старое вспоманетъ, тому глазъ вонъ. — Ну, бояринъ, такъ пришли мнѣ Тимошу, да и оставь меня въ покоѣ. Мнѣ старику ваши дворцовые обряды не подъ мочь. Усталъ. Пришли-ка Тимошу.»

Бояринъ поклонился и ушелъ; не прошло и четверти часа, два дюжіе холопа тащили за шиворотъ шута, а онъ кричалъ: «Выдалъ! Конецъ свѣта! Братъ возсталъ на брата! Выдалъ! Выдалъ!»

Примѣтивъ Стрешнева, шутъ повалился ему въ ноги.

«Здорово, Тимоша?» спросил Стрешневъ.

«Не совсѣмъ» отвѣчалъ шутъ, подымаясь на ноги... «Ломъ въ костяхъ; языкъ свело; говорить не могу, а вы тутъ чего торчите, разбойники?» спросил Тимоша, оглядываясь на дюжихъ холоповъ. «Спасибо за проводы, убирайтесь къ чорту. Мы съ братцемъ тайности говорить станемъ.

«Ступайте съ Богомъ,» сказалъ Стрешневъ, и холопья ушли.

«Вотъ, любезный братецъ, если бъ у меня ростъ да сила были такія длинныя, какъ языкъ да разумъ, не видалъ бы ты меня. Я бы этихъ медвѣдей на Ивана Великаго забросилъ, да и далъ бы тягу. На дураковъ много охотниковъ.

«Да отчего же ты ко мнѣ итти не хотѣлъ?

«Отчего?.... Оттого, что ты сердиться, бить станешь. Ужъ какъ ты тамъ ни уменъ ни ласковъ, а вѣдь я передъ тобой все-таки измѣнщикъ. Все таки я скоть; утробъ послужилъ; на боярскихъ поваровъ полакомился. Брата добраго да бѣднаго бросилъ... Ужъ не умничай, братецъ, пожалуй не умничай! Вѣдь я знаю тебя; ты, чего добраго, если на то пойдешь, ты мнѣ самому докажешь, какъ на пальцахъ, что я честный человѣкъ... Полно, полно! не говори, я, лучше тебя, знаю... я скоть, скоть... Вотъ и все тутъ, а повара — не приведи Господи. Вотъ этакую стерлядь я сегодня на кухнѣ видѣлъ. Часъ на нее глядѣлъ, да все на пальцахъ высчитывалъ: сколько времени ждать надо, пока она ко мнѣ въ животикъ пожалуетъ... Мудреная рыба! Проглотишь, а она все еще во рту плаваетъ...

«Слушай, Тимоша! Я старое забылъ, да гляди, чтобъ новаго не было...

«Да изъ чего я отъ тебя теперь бѣгать стану? То было такое, знаешь, голодное время. Самъ вспомни, чѣмъ ты меня кормилъ. Чечевицей да горохомъ, горохомъ да чечевицей. Ты скажешь, что ты самъ то же ѣлъ; да мы вѣдь слуги. Намъ не приходится того ѣсть, что господа кушаютъ... Чтобъ новаго не было. Да чему тутъ новому быть?... Развѣ что съ царскаго обѣда какое ни есть блюдо мимо тебя ко мнѣ попадетъ. Оно будетъ и новое да хорошее... Новое... Мало ли чего на свѣтѣ есть новаго, такъ все и дурно. — А видѣлъ ли ты Царскихъ Нѣмцевъ?

«Нѣтъ!

«То-то же. Вонъ полковникъ выше этой липы. Сердце у него — съ домъ будетъ. А тамъ племянница себѣ гуляетъ, да гуляетъ, словно въ теремъ какомъ. Поди, а Нѣмецъ...

«Какая племянница?

«А наша, Параша!

«Ахъ, Боже мой, а я съ нею и не видался. Пойдемъ, Тимоша. Не хорошо. Она моей дочкѣ другомъ была...

«Эй, не ходи. Что тебѣ межъ дверей палецъ совать.

«Что ты тутъ врешь, Тимоша! Снимай дурацкій колпакъ, говори человѣкомъ.

«Знаю я твой обычай. У тебя на разный ладъ служить надо; изволь. Ну, я человѣкъ. Полковникъ тотъ знатный парень, почище меня; чуть-чуть не ты. Понимаешь. По разуму — я; по честности — ты, ну а по пригожеству ни ты, ни я; понимаешь ли? Былъ тутъ у насъ пожаръ. Онъ боярина, боярышню и твою великую дочь Царевну спасъ....

«Что такое? Онъ спасъ мою дочь, а я ничего не знаю? Такъ пожалуй и я твой колпакъ надѣну; честность оброну... Разсказывай, только докладно — и шутки въ карманъ.

«Слушаю... Спасъ, всѣхъ спасъ, а я самъ спасся, гляжу: горить. Думаю: что я, жаркое, что ли? Стану я какъ печоное яблоко въ золь валяться; и шарахъ на липу и гляжу на пожаръ, словно съ колокольни. А онъ и принесъ боярышню въ садъ, и Евдокія Лукьяновна съ ними придти соизволила. Тутъ и пошли разныя шашни... Полковникъ заикался, запинаясь, да разомъ Парашъ и бухъ: люблю!... Та было ни то, ни сѣ, а онъ: люблю! Словно мельница какая, все на одну сторону вертится, такъ и онъ: люблю, да люблю... Тутъ насъ всѣхъ бояринъ разогналъ... А полковникъ на другой день прямо къ нему, къ боярину, и опять бухъ, какъ изъ нѣмецкой пушки: подай мнѣ Парашу въ жены...

«Слава Богу!» сказалъ Стрешневъ со вздохомъ.

«Отчего Слава Богу!

«Да, начало-то сказки было не хорошо, да вотъ сватовствомъ все поправилъ. Ну что жъ на это бояринъ?

«Да ты развѣ Кречета не знаешь? Спѣсь въ немъ задѣли; чуть не лопнулъ отъ гордости; принесли указъ невѣсту выбирать. Кречеть и кричить: Вотъ женихъ! Вотъ женихъ! — Вотъ тебѣ и сватовство и любовь и шашни... Все такъ и расплылось... Все, не то что все, потому что Нѣмецъ и теперь мимо воротъ ходитъ да хныкаетъ, а Параша плачетъ. Кречеть говоритъ, будто отъ того Параша плачетъ, что въ Царицы не попала, а ей-Богу не оттого, а отъ Нѣмца, вотъ-те Христосъ отъ Нѣмца. Вѣдь ты, братецъ, мой глазокъ знаешь...

«Ну что же, Тимоша! Если твоя правда, такъ же нить ихъ...

«Право, братецъ, женить!

«Ну, что же? Я готовъ....

«И я, по рукамъ!

«По рукамъ Тимоша! Только гляди: ни гу-гу. Дѣло тайное...

«Эхъ, братецъ, я тебѣ еще новое позабылъ сказать. Я нынче молчать умѣю. Нѣмцы выучили. Пойдемъ, я тебѣ покажу, какъ я важно молчу...

«Увидимъ, и вотъ на первый случай пойдемъ къ Парашѣ.»

Въ высокомъ новомъ теремѣ сидѣла Параша, окруженная сѣнными дѣвушками.

«Вотъ это все мои жены,» сказалъ Тимоша, показывая Стрешневу на сѣнныхъ: «всѣ дуры! Пошли вонъ! Вамъ не приходится нашихъ рѣчей слушать. Милости просимъ...» И сѣнныя подвинулись, вышли. Параша весьма обрадовалась Лукьяну Степановичу.

«Дядюшка, дядюшка! Ахъ, какъ я тебѣ рада, дядюшка!...

«Да отчего же я тебѣ дядюшка, Параша?

«Да ужъ позволь тебя дядюшкой звать; мы съ твоей дочкой сестрами и назывались, и жили сестрами.

«За то я и пришелъ благодарить тебя, Параша, и спросить: не могу ли я и тебѣ, въ уплату, какой службы сослужить?

«Мнѣ?... Мнѣ ничего не нужно!» сказала Параша грустно, и слезы навернулись на мутные глаза.

«Да что, въ самомъ дѣлѣ, нужно молодой дѣвушкѣ, не знаешь ли ты, Тимоша?

«Другимъ дѣвушкамъ извѣстно, что нужно — добраго жениха, а ей не надо...

«Почему же не надо?» спросилъ Стрешневъ.

«Потому что есть.»

Параша закрыла лицо руками и стала горько плакать.

«О чемъ ты плачешь, милая Параша?»

«Да какъ же мнѣ не плакать? По милости Тимоши, скоро вся Москва про меня заговорить....»

«Не бойся, Параша; онъ мнѣ правдой долженъ, такъ какъ я тебѣ благодарностью. Ты любишь Нѣмецкаго полковника?...»

«Не смѣю... —»

«А хотѣлось бы?..»

«Поди съ Богомъ Тимоша!»

Тимоша ушелъ и Параша бросилась въ ноги Стрешневу, и откровенная исповѣдь нѣжной, пламенной любви, вмѣстѣ со слезами обильными, изливалась въ разорванныхъ рѣчахъ.

«Богъ милостивъ,» сказалъ Стрешневъ и поцѣловалъ ее въ лобъ. «Богъ милостивъ, Параша! Станемъ молиться и надѣяться.»

Стрешневъ ушелъ...

«И только?» вскрикнула Параша; упала на подушки и стала горько плакать...

«А гдѣ живетъ Нѣмецъ?» спросилъ Стрешневъ, выходя изъ калитки на улицу.

«Вонъ видишь, Китайскіе цвѣты на окнахъ; тамъ онъ и живетъ. Да что же ты меня, братецъ, не похвалилъ?»

«За что?»

«А какъ я знатно молчалъ.»

«Такъ помолчи же ты еще часокъ, здѣсь, на улицѣ, пока я къ Нѣмцу схожу...»

«Ну, расходился ты, братецъ,» говорилъ Тимоша, оставшись одинъ на улицѣ: «онъ ходитъ, хо-

доть, а Кречеть устанеть, да, чего добраго, сляжетъ отъ устали. Что если у индѣйскаго пѣтуха хвостъ обрѣзать? Чай больно? А боярская спѣсь на самомъ сердцѣ растеть. Вотъ загорланить Кречеть... А! Съ праздникомъ поздравляю!

«Съ какимъ праздникомъ?» спросилъ Орлей, выходя изъ Персидскаго дома.

«Съ новосельемъ, честный господинъ! съ новосельемъ! Ты, я чай, уже совсѣмъ обжился. Ну, а что твои солдаты, хорошо Персидскій товаръ берегутъ? Только если ты имъ будешь платить жалованье такъ, какъ мнѣ, то придется къ тѣмъ солдатамъ другихъ приставить, чтобы за ними смотрѣли.

«Вотъ тебѣ жалованье; я и позабылъ...»

Орлей подавъ шуту горсть денегъ и пошелъ. Шутъ тщательно ихъ пересчиталъ, положилъ въ карманъ и сказалъ съ усмѣшкой: Славная служба, да не даромъ пословица: Долгъ красенъ платежемъ. Они съ насъ даромъ деньгу лупятъ, а мы только свое назадъ беремъ... Чертъ знаетъ, какая скука!.. Братецъ себѣ говоритъ съ Нѣмцемъ, а мнѣ не съ кѣмъ. Эй, ты, мальчишка! что ты это въ бабки передъ моими глазами разыгрался...

«Да что твои глаза, боярскія окна, что ли?»

«Ахъ ты вострушка! Будь я женатъ, подумалъ бы что это мой сынъ... Послушай ты, мальчишка, ты не сынъ ли мой, съ какой ни есть стороны?..» И Тимоша увлекся весьма занимательнымъ разговоромъ, котораго мы, по правиламъ сказочнаго искусства, никакъ здѣсь повторить не рѣшаемся, какъ эпизодъ, совершенно посторонній и къ исторіи полковника Лесли вовсе не принадлежащій...

Стрешневъ между тѣмъ вошелъ къ полковнику и въ передней ожидалъ позволенія войти въ гостиную.

«Я боленъ... я нездоровъ...» говорилъ Лесли Филипу, когда тотъ докладывалъ. «Но нечего дѣлать. Можетъ быть, у гостя важное дѣло. Я царскій слуга, отказывать не смѣю. Проси!...»

«Начало очень хорошо,» подумалъ Стрешневъ, входя въ гостиную. Передъ нимъ стоялъ мужчина, лѣтъ тридцати не болѣе, прекрасной наружности, высокаго роста; здоровье цвѣло на лицѣ Лесли, но изъ глазъ, изъ устъ что-то говорило о глубокомъ горѣ... Старикъ долго смотрѣлъ на него и, казалось, что-то соображалъ. Лесли также задумался, хотя также смотрѣлъ на Стрешнева.

«Не осуди меня, полковникъ, если я беспокоилъ тебя,» сказалъ Стрешневъ. Лесли проснулся, посмотрѣлъ пристально на гостя и сказалъ: «Ничего! ничего! Что тебѣ нужно, старичекъ?»

«Продай мнѣ твои цвѣты.

«Цвѣты! Да на что тебѣ эти цвѣты?»

«Я охотникъ...

«Ахъ, любезный! Прости, молодому человѣку стариковъ учить не слѣдуетъ, но всякая охота, всякая страсть раззорительна. Глядя на тебя, мнѣ кажется, не осердись, ты не такъ-то богатъ. А эти цвѣты дороги. Я побогаче тебя, а не купилъ бы такихъ цвѣтовъ. Мнѣ подарилъ ихъ пріѣзжій Голландскій садовникъ.

«Да все-таки продай. Я ужъ давно хожу да гляжу на нихъ, да горе беретъ, что у меня такихъ нѣтъ. Вамъ-то молодымъ хорошо: вы можете красныхъ дѣвушекъ любить, а намъ-то старикамъ что осталось? Цвѣты цвѣточки...

«Право, любезный... я не знаю, какъ съ тобой быть...

«Послушай, полковникъ, послѣднихъ денегъ не пожалю, только продай.... Въ нихъ мое счастье.

«Нѣтъ, старикъ, это будетъ грѣхъ, а вотъ что, если они тебѣ до такой степени понравились, бери ихъ такъ, какъ я ихъ получилъ. Бери даромъ... Бери; да ты не сможешь, Филиппъ, помоги! Прощай!

«Вотъ онъ кто!» сказалъ громко Стрешневъ. «Когда такъ, то не прощай, а здравствуй! Далъ бы то Богъ, чтобы за твои Китайскіе цвѣтки я могъ подарить тебѣ Русскій цвѣтокъ, о какомъ я не читалъ и у Овидія Назона.»

Лесли посмотрѣлъ на гостя съ изумленіемъ.

«И какое у того цвѣтка мудреное! Нмя ни по Гречески, ни по Латини не напишешь...

«А какъ же зовутъ твой Русскій цвѣтокъ?

«Парашей!»

Лесли вздрогнулъ. Стрешневъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку, завязалась бесѣда, но не долго длилась она и кончилась дружбой... Между дѣломъ и занимательнымъ разговоромъ старикъ замѣтилъ; что на полкѣ стоятъ книги... Подошелъ, посмотрѣлъ, нельзя читать.

«Это видно по-Нѣмецки?» сказалъ онъ.

«Точно такъ, Лукьянъ Степановичъ! Служба заставила выучиться и по-Нѣмецки и по-Русски...

«Коли ты выучился по-Нѣмецки, такъ потрудись выучить и меня. Даромъ что старикъ, а смѣкну..

«Всему, всему, что самъ знаю, Лукьянъ Степановичъ.

«Ну, иному въ наши лѣта и не приходится. Прощай сосѣдъ, до свиданія.»

Стрешневъ вышелъ на улицу и невольно усмѣхнулся. Тимоша отъ скуки сталъ играть въ бабки, проигралъ и возилъ на хребтѣ своемъ мальчишекъ. Вся улица наполнилась народомъ; всѣ хохотали. Примѣтивъ Стрешнева, шутъ выпрямился; мальчишка полетѣлъ; хохотъ усилился.

«Видишь, братецъ,» сказалъ Тимоша: «какой на нашей улицѣ праздникъ. Это я для твоего пріѣзда такое веселіе затѣялъ. Видно, будетъ свадьба....»

«А вотъ пойдемъ прежде сватать....»

«Слышите, дураки,» сказалъ Тимоша народу: «пошли по домамъ; я уже довольно потѣшился, а теперь вотъ братецъ хочетъ меня нарядить свахой. Прощайте.»

Изъ новыхъ хоромъ на встрѣчу Стрешневу вышелъ какой-то дворянинъ, изъ дальнихъ родственниковъ боярина, не въ маломъ числѣ проживавшихъ на дворѣ и на службѣ у Кречета. Тимоша этого дворянина звалъ стольникомъ, потому что этотъ чаще другихъ за боярскимъ столомъ обѣдалъ.

Стольникъ поклонился Стрешневу и сказалъ:

«Государь милостивецъ! Бояринъ указалъ мнѣ слугѣ своему спросить: гдѣ изволишь сегодня кушать, у себя или у боярина?»

«У Ивана Александровича,» отвѣчалъ Стрешневъ и шелъ прямо въ хоромы.

«Хорошо,» сказалъ шутъ: «что меня мальчишки сегодня промяли; будетъ же меня знать стерлядь; я ей еще сегодня говорилъ: эй, сине-перая, худо будетъ!...»

Вошли. Бояринъ съ гостями встрѣтилъ Стрешнева на лѣстницѣ. «Государь нашъ, милостивецъ, вотъ, Божіимъ изволеніемъ, и сродичи наши всѣ собрались.

«Какіе сродичи?»

«Вотъ Василій Ивановичъ Стрешневъ, вотъ Сергѣй Степановичъ Стрешневъ, вотъ Илья Аѳонасьевичъ, Матвѣй, Максимъ и Степанъ Ѳедоровичи, да Иванъ Филипповичъ... Все наши сродичи, все Стрешневы.»

Старикъ посмотрѣлъ на нихъ безъ гнѣва и радости, и удивился только богатству ихъ одеждъ. Онъ зналъ, что всѣ они бѣдняки, безпомѣстные дворяне, разбросаны по всему лицу царства и вдругъ увидѣлъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ роскоши, въ богатствѣ и опечалился. Не отвѣчая Кречету ни слова, Стрешневъ пошелъ далѣе и остановился въ той палатѣ, гдѣ приготовленъ былъ обѣденный столъ. Пиръ былъ самый продолжительный, самый тяжелый. Стрешневъ мало ѣлъ, еще меньше пилъ; за него исправлялся Тимоша съ необыкновеннымъ усердіемъ. Стоя за Стрешневымъ шутъ подсказывалъ ему какого кушанья отвѣдать, да взять побольше на тарелку, для того, какъ говорилъ Тимоша, чтобы было что убирать, а не то онъ служить разучится. Обѣдъ кончился. Стрешневъ все время промолчалъ, но когда встали, Стрешневъ, безъ обычая, взялъ Кречета подъ руку и повелъ въ образную.

«Слушай, бояринъ!» сказалъ онъ сурово: «это все твои продѣлки! Ты созвалъ весь этотъ Стрешневскій полкъ, ты ихъ одѣлъ — и, вѣрно, хочешь на Царскій дворъ ихъ втискать!... Не хорошо. Гдѣ они жили? чему учились? какіе изъ нихъ будутъ слуги Царскіе? Если Богу было угодно дочь мою вознести и украсить лучшимъ земнымъ величіемъ, такъ не для того, чтобы вознести и возвеличить дальнихъ и ближнихъ сродичей, безъ всякихъ заслугъ, ради одного прозвища. Не буду мѣшать счастью кого бы то ни было; но буду строго смотрѣть, сколько силы достанетъ, чтобы любви къ Евдокіи Государя Царя нашего не упо-

требили во зло коварные люди! Помни это, бояринъ. Ты собралъ ихъ для того, чтобы при дворѣ имѣть покрѣпче руку; гляди, чтобы тебя лишняя сила въ омутъ не перетянула. Это тебѣ совѣтъ изъ благодарности, а теперь просьба отъ души, отъ желанія всякаго добра твоей дочери... Я у тебя сегодня не простымъ гостемъ, а сватомъ....

«Сватомъ? Отъ кого, Лукьянъ Степановичъ, ты почитай ни съ кѣмъ изъ князей и бояръ не видался...

«Но видался съ твоею дочерью и полковникомъ Лесли.

«Хе, хе, хе! Видно, этотъ угорьлый Нѣмецъ и къ тебѣ присталъ. Насмѣшилъ онъ меня послѣ пожара; и кажется много времени ушло, а онъ не-унижается.

«Видишь, бояринъ, ты безъ толку спѣсивъ, а безъ нужды у ногъ валяешься. Будь человѣкомъ...

«Да кто же я!

«Говорю тебѣ, бояринъ, я въ сватахъ безъ шутокъ; такъ и ты мнѣ отвѣчай безъ шутокъ...

«Государь, мой милостивецъ! Самъ посуди, ну статное ли дѣло выдать Парашу за нехристя, за бездомнаго Нѣмца, за бусурмана: съ нашимъ родомъ не многіе и княжескіе потягаются. Самъ видишь, дѣлу этому быть не можно. Скорѣе утоплю дочь, а за Нѣмца не выдамъ. И примѣру такого на Руси не бывало.

«Вздоръ, бояринъ, вздоръ мелешь! Заучилъ старую боярскую пѣсню, да не тому рассказываешь. Лесли вѣры твоей дочери не коснется. Онъ служить тому же Государю; служить, какъ и ты, изъ жалованья; служить полковникомъ; чинъ не малый; а что онъ Нѣмецъ, въ томъ бѣды нѣтъ; дочери Царей нашихъ за иновѣрцами бывали. Все это не дѣло,

неотговорка. Стыда никакого. А вотъ что важнѣе всѣхъ твоихъ отводовъ, — они другъ друга любятъ.

«Кто? Параша?»

«Да, Параша!»

«Да какъ она смѣетъ!»

«Ну, ужъ въ этомъ дѣлѣ ты ей не указъ.

«Посмотримъ!»

«Посмотримъ!» сказалъ Стрешневъ и ушелъ... Поднялась въ домѣ жестокая буря. Бояринъ осыпалъ Парашу такими упреками, какихъ мы и повторить не смѣемъ; заперъ теремъ, приставилъ стражу; повелѣлъ дочери не давать ничего, кромѣ воды и хлѣба... «Вылечимъ! отрезвѣетъ дѣвка!» кричалъ онъ. «Чести нашей не уронимъ: никому въ зубы не посмотримъ.» И тому подобное.

ГЛАВА VII.

—

ПОДВИГИ ОРЛЕА

ВЪ

ПЕРСИДСКОМЪ ДОМѢ.

=

Въ Персидскомъ домѣ, какъ извѣстно, былъ по-
стой Нѣмецкихъ солдатъ. Было время вечернее; Му-
стафа съ Персіянами поѣхалъ отвозить во дворецъ
товары, купленные у него для предстоявшей свадь-
бы. На дворъ осталась Фатима и шесть человѣкъ
Персіянъ, назначенныхъ собственно для того, чтобы
Фатиму не увидали Нѣмцы; они лежали, какъ псы
въ комнатѣ, передъ дверьми Фатимы, а по двору хо-

диль часовой, Нѣмецкій солдатъ; прочіе постояльцы спали въ избѣ, отведенной для ихъ жительства. Пришелъ Орлей; онъ зналъ, куда и зачѣмъ уѣхалъ Мустафа и что воротиться ему раньше ночи не было никакой возможности. Знакомое окно растворилось; Фатима стала руками показывать, что въ соседней комнатѣ есть кто-то. Орлей на томъ же языкѣ сообщилъ Фатимѣ, что она въ этотъ разъ можетъ выпрыгнуть изъ окна и пойти гулять съ нимъ въ садъ. Она посмотрѣла на дворъ; Орлей показалъ, что это его люди и бояться нечего. Фатима была уже въ его объятіяхъ; счастливая чета побѣжала въ садъ, и скоро исчезла въ блаженствѣ и густой тѣни кустовъ.... Вдругъ у воротъ раздался стукъ. Часовой не отзывался... Стукъ усиливался. Часовой черезъ щелку калитки посмотрѣлъ, видитъ Мустафа съ дюжиной Персіанъ. Расторопный Нѣмецъ разбудилъ товарищей, тотчасъ послали депутацію въ садъ; отрядъ пошелъ въ комнаты и объявилъ Персіанъ военнопленными. Не смотря на суматоху, смѣтливые Нѣмцы ходили тихо, на цыпочкахъ. Орлей не шелъ, а бѣжалъ за Фатимой; когда подняли Фатиму, чтобы могла войти въ окно, она оглянулась и вскрикнула. Нѣмцы также оглянулись. О, ужасъ! На оградѣ сидѣлъ Мустафа и глядѣлъ на всю эту продолку съ бѣшенствомъ, рвалъ на себѣ одежды, кусалъ губы и не зналъ на что рѣшиться. Ревность превозмогла чувство безопасности; онъ соскочилъ съ ограды; ушибся, но не чувствовалъ боли; вскочилъ, побѣжалъ къ калиткѣ, отодвинулъ засовъ и впустилъ своихъ Персіанъ. Хотя они были не всѣ, потому что большая часть осталась при товарахъ, но все-еще число ихъ значительно превышало Нѣмецкій гарнизонъ. Кинжалъ

заблисталъ въ рукѣ Мустафы; дикіе крики вырвались изъ устъ его, и Персіяне бросились на Нѣмцевъ. Услышавъ крикъ господина, военнопленные опрокинули своихъ стражей и соединились съ хозяиномъ... Орлей, защищаясь длинной своей саблей, кое-какъ собралъ свою команду и весьма искусно исполнилъ затруднительную ретираду къ воротамъ; на общій крикъ съ улицы повалилъ народъ и, видя въ опасности отъ Персіянъ Царское войско, отворилъ ворота и такимъ образомъ выпустилъ волка изъ западни.... Мустафа въ припадкѣ ревности хотѣлъ было преслѣдовать капитана, но толпы народа раздѣлили сражающихся и заставили Мустафу войти въ свои укрѣпленія... Заперли ворота, калитку. Мустафа поставилъ всѣхъ своихъ Персіянъ въ кружокъ, побѣжалъ въ комнаты, вытащилъ за волосы Фатиму и посреди двора, на глазахъ изумленной своей челяди, зарѣзалъ невѣрную жену, какъ цыпленка.... «Теперь ваши головы, невѣрные рабы!» закричалъ онъ по-Персидски и схватилъ за шею одного изъ Персіянъ, остававшихся на стражѣ. Общій крикъ былъ ему отвѣтомъ; всѣ Персіяне бросились бѣжать, но несчастный не могъ вырваться изъ ревнивыхъ рукъ, и кровь его пролилась вмѣстѣ съ жизнью... Персіяне благимъ матомъ бѣжали по улицамъ и кричали по-Персидски: «Рѣжетъ, рѣжетъ!».. Нѣкоторые изъ нихъ добѣжали до Краснаго крыльца, въ самое то время, когда Государь возвращался отъ вечерни, упали Царю въ ноги и молили о защитѣ. Позвали толмачей: съ трудомъ они могли узнать отъ Персіянъ подробности дѣла, и когда доложили объ нихъ Царю, Государь приказалъ немедленно собраться Боярской Думѣ..... Долго собиралась Дума, наконецъ собралась. Отецъ невѣсты по обычаю долженъ былъ засѣдать въ Думѣ, какого

бы онъ званія ни былъ; почему бояре, въ ожиданіи Государя, послали просить Лукьяна Степановича пожаловать въ Грановитую Палату.... Пошелъ за нимъ дьякъ съ двумя дворянами. На крыльцѣ узналъ дьякъ, что Стрешневъ во дворцѣ и пошелъ въ терема къ дочери. Ждалъ, пождалъ онъ его за золотой рѣшеткой; наконецъ идетъ Лукьянъ Степановичъ, въ своемъ простомъ платьѣ; вышелъ; перекрестился; надѣлъ шапку и хотѣлъ итти; дьякъ поклонъ ему въ землю и говоритъ:

«Государь Лукьянъ Степановичъ, Дума собралась.

«Очень радъ. Собралась, такъ пусть и думаетъ.

«Да великіе бояра велѣли тебя звать, низкимъ поклономъ, къ нимъ въ Палату пожаловать.

«Зачѣмъ?

«Да говорятъ, что послѣ Великаго Государя, Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, ты у Царя теперь первый совѣтчикъ.

«Ну, это они плохо выдумали. Поди и скажи имъ, что Государь далъ мнѣ волю и долгъ; а по этой волѣ и по этому долгу могу и въ Думѣ сидѣть, могу и не сидѣть. Сегодня мнѣ сидѣть не хочется, а то еще, чего добраго, что ни есть такое въ Думѣ скажу, что по боярскому разуму глупо будетъ. Одна голова Думѣ разума не прибавитъ и не отниметъ. У меня же и голова не боярская: ни ихъ спѣси, ни ихъ нравовъ не понимаетъ. У меня и спѣсь и все свое. Не поладишь; а я старый человекъ. Ссоръ не люблю. Да еще скажи, что у меня двѣ свадьбы на рукахъ. Кому о томъ вѣдать надлежитъ, догадается. Да еще скажи, что я отъ Государыни Царевны указъ несу. Время не терпитъ. А если еще мало; придумай! Ты дьякъ — тебѣ не впервые. Ступай!

«Вотъ нажили дядьку!» сказалъ дьякъ, когда Стрешневъ сходилъ съ лѣстницы; и воротясь къ боярамъ, повторилъ рѣчи Стрешнева и перепугалъ Кречета. Всталъ Кречеть, поклонился боярамъ и говоритъ: «Великіе бояре! отпустите меня; больно не здоровится. Да и Персидское дѣло прилучилось у меня по сосѣдству. Нехристи, пожалуй, еще въ задоръ войдутъ, подожгутъ опять; чего отъ такихъ злодѣевъ ожидать добраго!»... Но Кречеть не могъ уйти; вошелъ Царь съ Патріархомъ Родителемъ и Дума началась и приговорили: не медля схватить Мустафу и, смерть за смерть, предать его казни на лобномъ мѣстѣ. И того—для приказать Леслію съ Нѣмцами взять того Мустафу и представить въ Думу, а Дума опять собраться послѣ объѣдень. — Разъѣхались бояре. Кречеть у самого своего дома нагналъ Стрешнева, онъ шелъ пѣшкомъ съ Тимошей и смѣялся.

«Видно, надо мной» подумалъ бояринъ: «да не рано ли сталъ смѣяться? чтобы завтра плакать не пришлось!» И выходя, не приказалъ откладывать колымаги.

«Послушай, братецъ, у нашего роднаго Кречета что-то не доброе на умѣ», сказалъ Тимоша. «Онъ сегодня, какъ расходился, такъ и сболтнулъ, что онъ боярышню туда упрячетъ, откуда никакая чело-вѣческая власть ее не вырветъ....

«А вотъ поглядимъ, посмотримъ! Ты ему только эту бумагу отдай. Славный гостинецъ! а я и видѣться съ нимъ не хочу. Изъ дому его въ простой какой ни есть домъ переѣду. Онъ и меня, пожалуй, на хлѣбъ да на воду посадить.

«Эй, братецъ, не шути такъ страшно! Волосы дыбомъ, когда подумаю о хлѣбѣ и водѣ... Ужъ если

въ тюрьму, такъ пусть насъ лучше запретъ на кухню. Мы, братецъ, люди умные: тотчасъ съ тюремщиками поладимъ. Куда же ты?

«Къ полковнику, а ты дѣлай свое, Тимоша!»

Стрешневъ нашелъ полковника въ странномъ расположеніи духа. Онъ стоялъ надъ Орлеемъ сложа руки и качая головою, а тотъ плакалъ какъ ребенокъ.

«Я говорилъ тебѣ...» Примѣтно было, что Лесли продолжалъ давно начатую рѣчь. «Я говорилъ тебѣ, что въ этомъ дѣлѣ благословенія Божьяго быть не можетъ. Мало того, что ты сдѣлался причиною преждевременной смерти несчастной женщины; мало того, что ты ввелъ ее въ грѣхъ, сдѣлалъ преступницей, но самъ-то ты кругомъ виноватъ и не можешь уйти отъ строгаго суда. Я только жду указа или жалобы и ты будешь арестованъ, наказанъ и, вѣроятно, высланъ за границу!»

«Все это вздоръ,» кричалъ Орлей: «я готовъ на все... но Фатима, моя бѣдная Фатима! Ахъ, полковникъ, я ее не любилъ, она служила мнѣ забавой, шалостью и за шалость вѣтреннаго капитана потерять жизнь!.. О, этого я никогда не прощу себѣ! ничѣмъ не выкуплю, ничѣмъ, ничѣмъ!.. Возьмите мою саблю, — арестуйте, накажите, все будетъ легче!»

Лесли смотрѣлъ на Орлея съ чувствомъ состраданія. Общее молчаніе было прервано появленіемъ Тимоши... Но мы должны прежде сходить съ Тимошей въ боярскія хоромы и быть свидѣтелями всей сцены, побудившей шута броситься къ полковнику Лесли. Бояринъ изъ колымаги прямо пошелъ въ терема къ дочери. Параша, не въ примѣръ другимъ романическимъ героинямъ, свернулась, съѣжилась въ огромныхъ креслахъ подъ пушистою душегрѣей и спала сномъ сладкимъ. Передъ ней на столикѣ стояла вода

и нѣсколько ломотковъ хлѣба. Отъ стука дверей и тяжелой боярской походки, Параша проснулась. Въ теремѣ было совершенно темно, но Параша узнала отца и невольно задрожала.

«Что?» спросилъ бояринъ: «покаялась?»

Параша молчала.

«Выкинула изъ головы Нѣмца?»

Параша молчала.

«Да отвѣчай же, Параша. Мнѣ некогда. Разлюбила ты Нѣмца?»

«Нѣтъ!» отвѣчала Параша такъ твердо, такъ рѣшительно, что бояринъ не выдержалъ и топнулъ ногою.

«Напрасныя угрозы, батюшка!» продолжала Параша тѣмъ же голосомъ. «Будто я хочу за него замужъ, да и замужъ пошла бы, чего таиться, когда бы на то моей воли довольно было. Заперъ ты меня также напрасно. Не уйду. Для самой себя страму не сдѣлаю, да и безъ твоего позволенія ни за кого не выйду. А хлѣбъ и вода, что за бѣда! Мало ли людей на свѣтѣ тѣмъ только и живутъ! А я отъ тоски и такъ ѣсть не могу... Видишь! Все это напрасно. Любви этимъ не выгонишь...»

Въ это время сѣнныя дѣвушки внесли свѣчи и освѣтили бѣшенство боярина. Онъ слушалъ Парашу, поднявъ руки и сжавъ кулаки, и когда она увидѣла его въ такомъ положеніи, невольно вскрикнула и спряталась подъ душегрѣю.

«Выгоню, матушка!» кричалъ, ревѣлъ бояринъ. «Выгоню! Непокорной дочери мнѣ не нужно. Выгоню, а этотъ грѣхъ съ тобою вмѣстѣ.»

Параша вскочила, бояринъ выпрямился и ждалъ что она скажетъ, но вошелъ шутъ съ безчисленными

поклонами: онъ держалъ обѣими руками какую-то бумагу и все кланялся.

«Что тамъ еще?» закричалъ бояринъ гнѣвно.

«Указикъ, братецъ, указикъ съ Верху, отъ Государыни Царевны.»

Бояринъ схватилъ указъ, самъ прочелъ и, швырнувъ его на столъ, сказалъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ:

«Я надъ моею дочерью отецъ! Не дамъ моей дочери Царевнѣ, пусть хоть Стрѣльцовъ, хоть Нѣмцевъ пришлютъ! Знаю я, откуда вѣтеръ дуетъ; видишь какой бояринъ! Отъ сохи во дворецъ попалъ, такъ ужъ ему кажется, что и солнце по его волѣ ходить станетъ...

«Братецъ, а братецъ!» сказалъ Тимоша жалобно. «Не ослушайся. Вѣдь это святой обычай. Кого Царевна-невѣста или Царица себѣ въ комнатныя изберетъ, кому къ себѣ на Верхъ велить быть, такъ будь она дочь султана Турскаго, а нечего дѣлать, ступай!

«Ужъ не тебѣ меня учить царскому обычаю,» сказалъ бояринъ угрюмо и взялъ Парашу за руку. «Колымага готова! Ыдемъ.

«Куда?» спросила испуганная Параша.

«Не твое дѣло! Ыдемъ!

«Куда?» повторила Параша, вырываясь.

«Въ монастырь!» сказалъ Тимоша, и Параша вырвалась изъ рукъ боярина.

«Дуракъ!» заревѣлъ бояринъ. «Зови сюда холопій. Я поставлю на своемъ.

«Сейчасъ, сейчасъ, бояринъ!» отвѣчалъ Тимоша и бросился къ Лесли.

ГЛАВА VIII.

АРЕСТЪ.

Тимоша вбѣжалъ въ гостинную Лесли съ такою миной, которая по неволѣ обратила на себя общее вниманіе.

«Худо, худо, братцы!» кричалъ онъ: «тамъ у Кречета разбой.

«Что такое? Что такое?

«Кречеть у боярышни, я съ указомъ къ Кречету, онъ указъ объ столъ, да боярышню за руку... Куда?—

Въ монастырь... Не хочу... Зови холопій... Колымага готова... Поминайте какъ звали Парашу, завтра и самое имя у нея другое будетъ...

«Что намъ дѣлать!» вскрикнулъ Лесли «Лукьянъ Степановичъ, что намъ дѣлать?»

«На зло, такъ и глупость умна. Ума не прилажу.

«Видишь, братецъ, плохо быть большаго разума. Вотъ твой нашему дѣлу и не помѣркъ.

«Нашелъ время шутить. Поди себѣ съ Богомъ, Тимоша; ты только нашему совѣту помѣха... Или седи, да протверживай то, чему тебя Нѣмцы учили.

«Молчу, молчу, да чего тамъ няня горланить.

«Батюшки, свѣты!» кричала няня, вбѣгая въ гостинную Лесли. «Помилуй и защити, Лукьянъ Степановичъ! Бояринъ Парашу бьетъ!..

«Бьетъ!» закричали всѣ. Лесли и Орлей, обнаживъ сабли, бросились къ дверямъ, но тамъ заградилъ имъ дорогу огромный солдатъ, изъ Нѣмецкаго приказа, указъ принесъ и подалъ Леслию...

«Что тамъ такое?» спросилъ Стрешневъ.

«Указъ: схватить Мустафу сейчасъ, сію минуту и съ разсвѣтомъ представить въ Боярскую Думу, гдѣ ему прочтутъ смертный приговоръ. Лукьянъ Степановичъ, вы видите, мой долгъ не позволяетъ итти къ Кречету... Ступайте вы, бѣгите! Ваше значеніе, ваше вліяніе...

«Позвольте! позвольте!» кричалъ шутъ, махая колпакомъ. «Видно, птица Божія принесла мнѣ такую диковинную думу... Ухъ! какъ подумаю, такъ животь отъ смѣху болитъ, а что же, если я на всю эту катавасію глядѣть стану...

«Да говори, что ты тамъ выдумалъ?..

«Чудо и вотъ какое. Велѣно взять Мустафу, а бояринъ Кречеть больно на Мустафу смахиваетъ, дай ему на колымагѣ изъ воротъ выѣхать, да и цапъ-царапъ. Что за бѣда? Обознался. За это вѣдь ни бьютъ, ни вѣшаютъ; вы только боярина захватите, а мы боярышню, по указу, къ Государынѣ Царевнѣ отвеземъ...

— «Нѣтъ,» сказалъ Лесли: «я не ослушаюсь царскаго указа, будь что будетъ!.. Да притомъ какъ же я обознался, когда я боярина въ лицо знаю, да еще, чего добраго, и преступникъ уйдетъ. Не могу...

«Полковникъ!» сказалъ Орлей: «вы, кажется, изволили приказать мнѣ пойти и взять Мустафу...

«Я угадываю, что ты хочешь дѣлать, Орлей; но на твоей головѣ и такъ уже много преступленій. И все-таки буду отвѣчать я!

«Нѣтъ! я!» сказалъ Стрешневъ. «Я, я одинъ; я принимаю на себя всѣ послѣдствія. Полковникъ, исполняй свой долгъ: возьми Мустафу, а ты, капитанъ, боярина, и завтра поутру обоихъ въ Думу. Я тамъ буду.

«Но...

«Повинуйтесь! Я вамъ приказываю именемъ... Нѣтъ! Я вамъ приказываю, какъ отецъ Государыни Царевны и за все — отвѣчаю...»

Всѣ разошлись: полковникъ Лесли прежде другихъ пришелъ на свое мѣсто и объявилъ царскій указъ Мустафѣ, но Мустафа его не слушалъ: онъ лежалъ на коврѣ въ глубокой задумчивости, передъ нимъ были разбросаны одежды и драгоценности несчастной Фатимы. Лесли повторилъ указъ.... Мустафа посмотрѣлъ на него; глаза налились кровью; онъ схватился за кинжалъ, но Нѣмцы его

обезоружили и повели въ съѣзжую избу полка. Лесли шелъ за ними, опустивъ голову. На улицѣ разбудилъ его крикъ «стой!» То былъ Орлей. Онъ напалъ съ своими людьми на боярскую колымагу. И хотѣлъ именемъ Царскимъ арестовать Кречета, какъ будто Мустафу...

«Что?» сказалъ бояринъ. «Меня? Меня боярина ты смѣешь называть Персидскимъ купчишкой?..

«Окажется, окажется, какой ты бояринъ! Мы навели братъ справки! Стара штука! Мы все знали и знаемъ: кто ты и какъ устроилъ побѣгъ. Сдавайся, а не то худо будетъ...

«Да какой я Персіянинъ. Видно, что Нѣмецъ! И Бога у него нѣтъ. Ну вотъ тебѣ крестъ. Гляди. Персіянинъ ли я?..

«Знаемъ, знаемъ! Со страху ты и жидомъ прикинешься. Сдавайся!

«Да знаешь ли ты, что тебя, Нѣмца, за такое безчестье изъ пушки выстрѣлятъ...

«Полно, братъ, стращать. Не на таковского напалъ. Хуже будетъ, какъ уйдешь.

«Что за чертовщина! Вотъ привязался! Да погляди вонъ Персидскій дворъ.

«Ночь, братъ, ничего не вижу. Выходи!

«Да спроси вотъ у нее; она мнѣ дочь; лгать не станетъ; у людей; позови сосѣдей; всю улицу, всю Москву.

«А ты пока улизнешь. Нѣтъ, братъ, насъ не надуешь, благо, что не опоздали. Вылезай! Такихъ бояръ много.

«Много! Такихъ бояръ, какъ я, много! Ахъ, ты Нѣмецъ окаянный! Заплатишь ты мнѣ тройную пеню за такую обиду...

«Хорошо, хорошо! заплачу, только вылезай!»

«Да что ты въ самомъ дѣлѣ пьянъ; али только такъ съ придурью; а можетъ прислѣповать. Въдѣ право это все на шутку не похоже!»

«Вотъ нашелъ шутку. Подымай-ка ноги, вылезай, а въдѣ не то, я и за бороду...»

«За бороду! Ахъ, ты, холопъ нечистый! За боярскую бороду... Да я тебя тростью изломаю...»

«Только выходи, а тамъ увидимъ. Не хочешь... ну, нечего дѣлать, приходится силой за ноги тащить.»

«Помилуй,» завопила Параша: «не тронь родителя.»

Услышавъ голосъ Параша, Лесли было бросился на помощь, но Стрешневъ и шутъ удержали полковника за обѣ руки...

«Сдался,» кричалъ Орлей. Бояринъ сталъ кричать, Орлей завязалъ ему ротъ и Кречета увели. Лесли, Стрешневъ и шутъ бросились къ колымагѣ, гдѣ Параша заливалась слезами и тяжело кричала о помощи.

«Полно плакать, Параша,» сказалъ шутъ: «видишь, бояринъ больно растучнѣлъ, спить много; спалъ ради здоровья, Нѣмцы повели его маленько прогуляться. Худаго ничего не будетъ. А тебѣ въ монастырь надо ѣхать...»

«Какъ? Все таки въ монастырь,» спросила опечаленная Параша.

«Да, да, въ монастырь, только веселый, знатный, Царскій, на Верхъ къ Евдокіи Лукьяновнѣ.»

«Къ Государынѣ моей и сестрицѣ.»

«Экая отгадчица. А ты, племянникъ, молчишь. Въдѣ это мы для тебя стряпаемъ; а онъ будто глину ѣстъ; молчить!...»

«Что же я скажу, Тимоша!»

«И онъ здѣсь!» закричала Параша и стала прятаться въ колымагѣ. «Ахъ, какой страмъ! Дядюшка, поѣдемъ.»

«Поѣдемъ, племянница,» сказалъ Стрешневъ, сядя въ колымагу. «До завтра, полковникъ! Увидимся въ Думѣ.»

Шутъ поправилъ колпакъ, вскочилъ на узкія запятки и закричалъ: «Пошелъ въ Кремль, на Царскій дворъ» — и колымага покатила....

ГЛАВА IX.

ПЕНИ ПО ОКЛАДУ.

Дума собралась очень рано, тѣмъ болѣе, что слухъ о какомъ-то странномъ непонятномъ происшествіи съ Кречетомъ достигъ черезъ спальниковъ до Царской опочивальни. Царь также поспѣшилъ въ Думу, гдѣ къ особенному удовольствію замѣтилъ Стрешнева и кивнулъ ему головой ласково. Бояре стали шептаться: Видно, спѣсь отложилъ; милостей ищетъ; пришелъ въ Думу... «Потому, что нужно,» от

въчалъ Стрешневъ и бояре прикусили языки. Царь приказалъ ввести преступника и, къ общему удивленію, капитанъ Орлей ввелъ Кречета. Государь улыбнулся; дума ахнула; Стрешневъ одинъ только сохранилъ важный и спокойный видъ.

«Что это значитъ?» спросилъ Царь.

«Кречетъ отвѣсилъ три земныхъ поклона и сталъ говорить:

«Великій Государь, Царь и Великій Князь, нашъ отецъ и милостивецъ, Великій Государь Святѣйшій Патріархъ, и вы, всѣ Великіе Князья, бояре, окольничіе, стольники и думные дворяне, быю челомъ Государю моему на твоего Нѣмецкаго полковника и рыцаря Александра Ульяновича Леслія; онъ у меня прошедшимъ лѣтомъ хоромы поджегъ, огонь учинилъ, чтобы дочь мою Нѣмецкой лестію уловить, колдовствомъ въ нее чары уgnѣздить и любовью къ себѣ испортить; и потомъ въ воровствѣ и зажигательствѣ, нанесъ мнѣ смертельную обиду — безъ сватовъ, самъ по себѣ, будто къ равному, въ зятя просился; и какъ я ему Нѣмцу поставилъ въ извѣстность, что женихъ онъ по глупости и дерзости только, а не по роду нашему, тогда онъ всякое зло учалъ мнѣ творить и, свѣдавъ отъ подкупленныхъ тѣмъ Нѣмцемъ холопій моихъ, что я съ дочерью со двора выѣзжаю, послалъ своего сподручника, такого же сорванца и злодѣя, взять меня руками, со всякимъ порученіемъ, яко злодѣя инаго, Боярскою Думою открытаго, Персидскаго купца Мустафу. И тотъ его сподручникъ всякое безчинство со мною творилъ и на пути и въ дому у себя до сего часа; а дочь мою увезли невѣдомо куда, какъ я на пути

въ Думу отъ вѣрныхъ холопій моихъ свѣдалъ. И того ради бью челомъ Государю моему: повели по сему дѣлу учинить сыскъ и судити Нѣмцевъ тѣхъ великою казнію....

«Садись Кречеть,» сказалъ Государь: «на свое мѣсто, а мы разсудимъ...»

«Не сяду, надежа Государь, пока судомъ безчестья съ меня не снимешь.»

«Садись, тутъ должна быть ошибка.»

На это всталъ Стрешневъ, поклонился Государю, Патріарху, потомъ однимъ поворотомъ головы всей Думѣ, и сказалъ...

«Не ошибка, Государь, а умыселъ. Только не того полковника Леслиа, а мой, раба твоего, Лукьяна.»

Вся дума почти поднялась отъ изумленія.

«Выдай меня боярину,» продолжалъ Стрешневъ: «но выслушай.»

«Говори,» сказалъ Царь съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

«Полковникъ твой и рыцарь Александръ Ульяновичъ Лесли, человѣкъ честный, милостью твоею и довѣріемъ всысканъ, по роду своему Шотландской лучшей крови, предками богатъ, вся бѣда, что иновѣрецъ, но о томъ бояринъ у него не спрашивалъ, а мнѣ заподлинно извѣстно, что будетъ ли на бракъ тотъ Царское твое Великій Государь соизволеніе, или не будетъ, Лесли, по собственной совѣсти законъ нашъ принимаетъ; да объ этомъ не рѣчь; это его, Леслиево сердечное дѣло, а онъ Кречетовыхъ хоромъ не поджигалъ, дочери не сманивалъ, а полюбилъ почеловѣчески, какъ и всякому

прилучиться можетъ; всему этому дѣлу противился и не пошелъ схватить боярина хотя я ему самъ то совѣтовалъ; а пошелъ указъ твой исполнить и Мустафа задержанъ, повели привести его, а боярина задержалъ капитанъ по моему приказу съ вѣдома полковника... предъ лицомъ Государя потаить того не смѣю...

«Довольно, довольно,» сказалъ Кречеть: «повинень за эту суду....»

«И взыскать съ него пени вдвое, противъ его боярина окладу, и сказать ему, что такое наказаніе, ради его подданства королю Англицкому; а тобы торговая казнь...» Такъ сказалъ Думный дьякъ, стоя. Бояре громогласно одобрили мнѣніе Дьяка, а Стрешневъ продолжалъ:

«И пеню ту я плачу сегодня же за Полковника, да и за капитана, который отъ того же суда и наказанія уволенъ быть не можетъ. Но если вы, бояре, изволите, ради ихъ подданства королю Англицкому, уволнять ихъ отъ казни, то за что же присудили вы къ той же казни Мустафу, купца Персидскаго, который, не стоитъ подъ нашими законами, да опричь того у насъ и не на службѣ; никого изъ подданныхъ Его Царскаго Величества ни убилъ, ни обидѣлъ, а по своимъ правамъ или по своимъ обычаямъ зарѣзалъ жену и раба? Можетъ ли онъ такъ поступать или не можетъ, пускай рѣшитъ Государь его Шахъ Персидскій... Мой совѣтъ, выслать Мустафу и людей его изъ Москвы и государства и отдать его Персидскимъ властямъ, пусть его судятъ по своимъ законамъ; выслать, чтобы соблазну и смерти здѣсь не было; вотъ моя простая мысль, Государь.»

Всѣ одобрили совѣтъ Стрешнева и послали сказать Лесли, чтобы онъ сдалъ Мустафу въ Посольскій Приказъ, до указа... Кречетъ зналъ, что у Стрешнева нѣтъ денегъ, и всталъ и началъ бить челомъ, что такъ какъ обида была на общихъ глазахъ, то пусть Стрешневъ или Нѣмцы заплатятъ безчестье въ самой Думѣ....

«Разсчитаемся, бояринъ,» сказалъ на это Стрешневъ. «Великій Государь, бью тебѣ челомъ на боярина; былъ я у него въ сватахъ за Лесли; отказалъ; хотя по нашимъ обычаямъ, это и обида, я не разсердился и волю отцовскую уважилъ. Но вѣдомо тебѣ, Государю Великому, что Великая Государыня Невѣста твоя съ боярскою дочерью Прасковьею Ивановною въ сверстницахъ, въ любви и дружбѣ росла и пожелала ту боярышню у себя на верху имѣть для веселія и забавы дѣвической, и указъ о томъ съ Верху посланъ былъ къ боярину вчера, и бояринъ указъ тотъ безъ почета бросилъ, и ослушался: дочь свою единородную на верхъ не пустилъ, а посадилъ на хлѣбъ на воду, сталъ бить до синяго, и, по жестокости своей, посадивъ въ колымагу, везъ постригать и постригъ бы, если бы я рабъ твой, Великій Государь, на крайнюю мѣру не рѣшился и не представилъ бы его бояринъ на справедливый судъ твой, а боярышню по указу отвезъ и сдалъ на Верхъ, какъ жертву, спасенную отъ звѣря хищнаго, отъ отца безчеловѣчнаго; такъ поступилъ я, изъ одной только крайности и съ великою радостью плачу четверную пеню противу оклада боярскаго. Но — и онъ обидчикъ противу Государыни Невѣсты и Евдокія Лукьяновна пеню, какую Государь и бояре, за проступокъ его приговорить изволите, по дочерней своей ко

мнѣ милости, соблаговолила пожаловать мнѣ, Лукьяну, рабу твоему, на бѣдность...»

Всѣ разсмѣялись. Кречеть горѣлъ отъ стыда, но когда услышалъ предложеніе Стрешнева, поблѣднѣлъ какъ полотно. Алчный умъ его мигомъ сосчиталъ, что на эту исполинскую пеню не хватитъ всего состоянія его, собственнаго и присвоеннаго. Не смотря на общій смѣхъ, одинъ только Царь былъ не веселъ; видно было, что ему эти ссоры и распри были все непріятны и, желая прекратить дѣла пустыя, недостойныя вниманія Боярской Думы, сталъ говорить и совѣтовать съ боярами о военной нуждѣ своей и потребовалъ мнѣнія отъ Лукьяна Степановича, отъ перваго...

«Совѣтъ мой простъ. Многимъ иноземнымъ королевствамъ война наша, справедливая и необходимая, придется по сердцу и послужить на пользу; если ты, Государь Великій, не жалѣешь убытковъ и важныхъ издержекъ для войны, которая не для одного тебя полезна, такъ пускай же и тѣ короли за пользы свои помощью тебѣ заплатятъ. Но для того важнаго и великаго дѣла не посылай дьяковъ своихъ, иноземнаго обычая несвѣдущихъ, а пошли Александра Ульяновича со многою властію и казною, и полномочными грамотами къ королямъ, князьямъ и другимъ государственнымъ управамъ. Если исправить все къ твоему удовольствію, исправить скоро, года въ два, потому что иноземнаго добраго войска надо по малой мѣрѣ тысячъ тридцать, зря на то, что наше безвременьемъ совсѣмъ разстроено, а въ добрый порядокъ и многими лѣтами приведено быть не можетъ. Два года не много време-

ни; замиренію нашему чай еще сроку больше; а пока надо не только войски набрать, но и мушкеты и другое вооруженіе искупить, для Нѣмецкаго, такъ и для своего войска, и снарядить ими полки, и запасы учинить, такъ чтобы ни въ чемъ недостатку не было, въ этомъ всякому дѣлу лежитъ зерно успѣха.»

Государь остался весьма доволенъ мнѣніемъ Стрешнева. Бояре не смѣли прекословить. Приказали дьякамъ указы писать, и Государь съ Патріархомъ оставили Думу...

«Ну, что, Иванъ Александровичъ,» спросилъ Кречета, старшій бояринъ: «прикажешь съ Лукьяна Степаныча пеню править?.....»

Кречеть смотрѣлъ жалобно на Стрешнева, который, забывъ о частныхъ дѣлахъ, толковалъ дьякамъ какъ надо написать инструкцію Лесли, какихъ людей ему съ собою взять, въ томъ числѣ и капитана Орлея; какъ ѣхать, чего просить у королей, что искупить и какъ прислать въ Россію. Старшій бояринъ повторилъ вопросъ. Стрешневъ отвѣчалъ.

«Бросимъ, бояринъ, эти дразги. Государство въ нуждѣ, а мы занимаемся личными обидами. Все обошлось миролюбно, такъ зачѣмъ же намъ продолжать нашу ссору? Если Кречеть отъ своего иска отступится, о своемъ и не вспомню...

«Отступаюсь, отступаюсь! Только, Государь, мой милостивецъ, дочери моей за Нѣмца не выдавай!.. Да ты развѣ не видишь, что я полковника на два года ради твоего покоя на край свѣта посылаю.

Пусть погуляетъ по разнымъ державамъ: тамъ у него и дѣла и невѣсть много будетъ, — такъ про твою и забудеть!...

«Мудрецъ!... восклицали бояре.

«Во истинну мудрецъ!» повторилъ Кречеть, и бросился обнимать Стрешнева.

ГЛАВА X

и

ПОСЛѢДНЯЯ.

—

ОТГАДЧИКЪ.

—

«Что ты нагородилъ, братецъ? Мустафу отправилъ во свояси, даже розочкой такого злодѣя не посякли; друга выдалъ, на море отправилъ; съ рыбами любовь вести, что ли, когда у него на Москвѣ такая зазнобушка; умереть съ тоски, а царскаго дѣла не исправить, а капитана ты не знаешь, — умереть полковникъ онъ за казну и уцѣпится... Да что, казны у Государя на семь царствъ хватить, а племянница

у меня одна осталась,—истомится бѣдная, исчахнетъ, такая будетъ сухопарая, что и я ее въ жены не возьму. Два года. Ахъ, ты, братецъ мой, братецъ! перехитрилъ ты больно. Зналъ я напередъ и говорилъ, что разумъ твой нашему дѣлу не по мѣркѣ!

«Въ который разъ, Тимоша, ты поешь мнѣ одну и ту же пѣсню. Перестань говорить о томъ, чего ты не знаешь. Если ужъ больно горячо полюбилъ боярышню съ одного пожара, да съ того же огня и у нее занялось сердце. Какъ я по-размыслилъ, такъ признаюсь, моей поспѣшности самъ испугался. Вотъ поглядимъ, посмотримъ: любятъ ли они другъ друга, время покажетъ. Да къ тому, какъ бы я ихъ женилъ, когда никто изъ бояръ за меня не вступился? Даже, Государь, показалось мнѣ, былъ моимъ сватовствомъ не доволенъ, а время все уладить.»

Такъ говорилъ Стрешневъ, положивъ книгу, и лежа на софѣ въ своемъ уединеніи, на берегу Яузы, въ небольшомъ опрятномъ домикѣ. На окнахъ его спальни стояли китайскіе цвѣты Если; вся утварь была чрезвычайно проста; прислуги никакой; кушанье со дворца приносили... Въ этотъ день вся Москва готовилась къ великой радости; завтра назначена свадьба царская; минуло и 5-е февраля, и свадебные праздники отошли, промелькнулъ и постъ; весна покрасовалась, поиграла и уступила мѣсто степенному лѣту, и лѣто состарѣлось до желта, и побѣлѣло, и родилась у Царя въ началѣ зимы дочь Ирина Михайловна... Время шло, какъ привыкло, безостановочно впередъ да впередъ: только одно время такъ на этомъ свѣтѣ ходить; никогда не вознаграждается, шагу назадъ не дѣлаетъ; и родилась у Царя другая дочь Пелагѣя Михайловна, радость съ печалью, зачѣмъ нѣтъ отцу сына, государству наслед-

ника... А время все идетъ да идетъ, и два года сполна минуло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Лесли. Наступило и лѣто, знойное; Государыня съ Государемъ ходили къ Троицъ—просить заступничества у Сергія, Радонежскаго Чудотворца, да благословить Господь ихъ и царство сыномъ. И возвращался Государь съ Государыней въ Москву. На отдыхахъ только и разговаривалъ Государь съ однимъ Стрешневымъ; много умнаго, много новаго слышалъ Государь отъ Лукьяна Степановича, и полюбилъ его Государь пуще прежняго. Когда пришли на Москву, Царь сталъ нерѣдко навѣщать Стрешнева и просиживалъ у него иногда допоздня въ тихой бесѣдѣ.

«Вотъ, Государь,» сказалъ однажды Стрешневъ: «получилъ я отъ Лесли пріятное письмо. Пишетъ, что король Аглицкій на издержки тебѣ военныя даетъ сорокъ тысячъ рейхсталеровъ, да посылаетъ три тысячи добраго своего войска съ генераломъ Томасомъ Сандерсономъ; что онъ Лесли все уже тамъ исправилъ и покончилъ; войска и снаряды отправилъ, а самъ сухимъ путемъ черезъ Польскія области продетъ, да дорѣгой соберетъ слухи, вѣсти и что твоей службѣ нужное встрѣтится; да пишетъ, что все войско соберется подъ Москву не раньше февраля, а къ тому времени и онъ подоспѣетъ.»

И это время промелькнуло, наступилъ февраль, а Лесли не возвращался. Пріѣхалъ къ Стрешневу Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Государь примѣтно былъ обеспокоенъ тяжелою мыслію.

«О чемъ грусть, надежа Государь?» сказалъ Стрешневъ: «будетъ сынъ!»

«Да какъ ты знаешь мои завѣтныя думы?»

«Государь, это дума всего твоего царства.»

«Отчего же сынъ?»

«Ну, ужъ такъ Государь, я не пророкъ, а отгадчикъ. Я по примѣру Царя Адріана гадалъ на Энеидѣ, и вышелъ стихъ такой, что быть не дочери, а сыну; загадалъ сонъ, и приснилось, что стою предъ ракой Алексія, и приносишь ты на гробъ Святителя соименнаго ему сына... Проснулся я и сталъ молиться. И невѣдомо, отъ чего, поминая дочерей твоихъ, я помянулъ и утробнаго сына твоего... Быть сыну, Государь...

«Быть великой радости всему царству, а отгадчику всякая милость, чего ни попросить, что ни вздумаетъ — все исполню...

«Да мнѣ ничего не нужно... Нѣтъ, Государь, я вспомнилъ. Есть и у меня нужда, да не знаю, захочешь ли ты сдержать слово...»

Государь не успѣлъ отвѣчать. На дворѣ послышался шумъ. Кого-то не пускали въ покои; Стрешневъ поглядѣлъ въ окно и вскрикнулъ. «Лесли! Лесли воротился.» Царь приказалъ впустить своего вѣрнаго полковника, украшеннаго многими иностранными орденами. Государь принялъ его ласково, допустилъ къ рукѣ своей, выслушалъ любопытный рассказъ о дѣйствіяхъ и дипломатическихъ сношеніяхъ Лесли въ чужихъ земляхъ, обѣщалъ милость и приказалъ приготовить все войско къ смотру къ 10-му числу марта и, простясь съ вѣрными слугами своими, уѣхалъ. Только уѣхалъ Государь, въ комнату, гдѣ остались наши друзья, вбѣжалъ Тимоша, бросился на шею Лесли и сталъ душить его въ своихъ объятіяхъ.

«Ай да, племянникъ! А сколько у него новыхъ пряниковъ! Да какъ расписаны, да раззолочены! Любо дорого смотрѣть! Съ рожи, все то же, а какъ-то на изнанку сталъ, какъ-бы его выворо-

титъ нутромъ вверхъ. Ну, племянникъ, покажи-ка сердце, отвори-ка душу, кто тамъ?» И шутъ сталъ глядѣть въ кулакъ на грудь Лесли.

«Ты меня не знаешь, Тимоша, и я прощаю твоей недовѣрчивости. Какъ эти Китайскіе цвѣты растутъ и веселятся полною жизнію въ обители моего благодѣтеля, такъ и цвѣтокъ Лукьяна Степановича у меня въ сердцѣ...

«Ай да, племянникъ! И какъ говоритъ по заморскому, словно сказку читаетъ...

«Я тотъ, да она та ли? Много воды ушло.

«Да,» сказалъ Стрешневъ: «если ты и слезы Параша водою считаешь. Она любитъ тебя. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Много жениховъ было, я Государя объ одномъ спросилъ. Не отнимать у Параша воли и всѣ женихи остались....

«Съ носомъ?» dokonчилъ шутъ. «Вотъ какъ мы любимъ. Ужъ это у насъ вся семья такая, и я, и братецъ, и Параша... Можемъ похвалиться, чудо не люди. Ну, а ты?...

«Въ самомъ дѣлѣ,» спросилъ Стрешневъ: «что съ твоимъ семействомъ?

«Признаюсь, Лукьянъ Степановичъ, двѣ лишніе недѣли я у Царскаго дѣла утаилъ. Я нашелъ мою семью, графиню, графа, Берту, матушку, судью и двухъ дѣтей Берты, въ полномъ довольствѣ, въ полномъ счастіи. Всѣхъ ихъ печалило только мое отсутствіе. Но матушка моя не перенесла радости свиданія; утомленная восторгомъ материнской любви, Гертруда заснула сномъ крѣпкимъ и уже не проснулась. Графиня съ Бертой и съ дѣтьми перѣехали въ Ригу, чтобъ быть отъ насъ поближе, а графъ Орселей перемѣнилъ фамилію и служить у меня капитаномъ въ третьемъ полку. Не хочетъ

чужаго хлѣба ѣсть, особенно когда узналъ, что и я имѣю нѣкоторыя намѣренныя, нѣкоторыя надежды.

«Женой обзавестись,» докончилъ шутъ.

«Ну а у васъ, Лукьянъ Степановичъ, что новаго?..»

«И у меня кое-что есть... Нѣмецкому языку выучился... Вотъ твои книги дочитываю...»

«А у тебя, Тимоша?..»

«Есть, есть и у меня обновка: я Нѣмецкому языку разучился. Да что обо мнѣ. Вотъ ты лучше скажи гдѣ мой должникъ?»

«Какой?»

«Какъ какой! Я все молчу, да молчу; про Персидскія шашни его никому ничего не сказываю, а онъ мнѣ третій годъ жалованья не платить.

«Бѣдный Орлей, пожалѣйте объ немъ.

«А что такое?..»

«Въ Лондонѣ онъ хотѣлъ по легкомыслію повторить Персидскую шалость; его поймали и зарѣзали.

«Опять Персіянку...»

«Нѣтъ, его самого....»

«Ну что же тутъ важнаго? Око за око, зубъ за зубъ. Мало ему было у насъ науки; мы, послѣ Капитанскаго случая, съ братцемъ такъ перепугались, что совсѣмъ за красными перестали волочиться.»

Счастливые собесѣдники просидѣли до поздняго вечера; ихъ пріятное общество было умножено четвертымъ гостемъ капитаномъ Эльдреномъ, т. е. Графомъ Орселеемъ. Нѣсколько дней пріѣздъ Лесли былъ совершенною тайной для всей Москвы. Немногіе однако же знали, кому о томъ вѣдать надлежало, и читатели догадаются, что эти не многіе были: Государыня Царица, да первая Комнатная Ея Величества дѣвица, Боярыня Прасковья Ивановна. Наступило и десятое число марта. Войско Нѣмецкое,

состоявшее изъ тридцати тысячъ разныхъ націй иноземцовъ, стояло въ полѣ между Сокольниками и Тверскою дорогою. Государь съ Боярами, отслушавъ объѣднѣ, поѣхалъ на смотръ. Лесли представилъ Государю сперва всѣхъ военачальниковъ; потомъ по полкамъ и все войско: тутъ были и Англичане и Шотландцы, и Датчане, и Шведы, и Французы, и Голландцы, и разныхъ государствъ Нѣмцы. Произведенные ими военные примѣры весьма понравились Государю, привели въ изумленіе бояръ. Смотръ оканчивался опытами новыхъ пушкарей изъ пушекъ, недавно отлитыхъ на Москвѣ; поставили далеко мишени, навели орудія. Лесли командовалъ и громъ орудій огласилъ все поле. «Сынъ или дочь?» задумалъ Государь, поглядѣлъ—ни одной мишени не осталось, только въ воздухѣ кружились щепки. Стали заряжать орудія для втораго опыта... Вдругъ, цѣликомъ, по полю, летятъ два всадника, одинъ безъ шляпы, другой въ дурацкомъ колпакѣ.... Пушкари пріостановились. «Палите, стрѣляйте» кричалъ Тимоша: «сейчасъ и съ Кремля стрѣлять будутъ!... Слышь! Стрѣляютъ! Слышь! Трезвонятъ!» И Государь догадался и, не ожидая извѣстія, поскакалъ въ Москву. Бояре за нимъ. Поровнявшись съ Стрешневымъ, Государь спросилъ только «Сынъ?»

«Алексѣй Михайловичъ!» сказалъ громко Стрешневъ и громкое ура сорвалось съ боярскихъ устъ, и все поле повторило радостное восклицаніе....

Миновались первые восторги отцовской радости. Государь сталъ исполнять разные обѣты, данные Богу, вспомнилъ и данный человѣку; позвали отгадчика.... Досказывать ли?... Кажется, не нужно. Всѣ были счастливы и довольны; одинъ только Кречетъ не могъ успокоиться; на свадьбѣ своей дочери

больно обѣлся и умеръ съ тоски. Передъ смертию онъ сказалъ Тимошѣ: «Умираю! Велика была обида; я не могъ проглотить ее, подавился и умираю....» «Полно, такъ ли, братецъ?» сказалъ шутъ: «ты на пирѣ у Александры Ульяновича одинъ проглотилъ цѣлаго фазана съ миндалями. Вотъ это я видѣлъ. А вотъ теперь вижу, какъ фазанъ тебя доѣдаетъ! Зато, братецъ, отомщу я всѣмъ фазанамъ за тебя, если ты по себѣ добрыя похороны справишь. А впрочемъ, знаешь что, братецъ, не умирай лучше; скучно...»

Но Кречетъ не послушался, повернулся, захалъ и кончилъ жизнь, и нашу повѣсть.

Подъ заглавіемъ:

«СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ,»

въ неопредѣленные сроки будутъ выходить оригинальныя повѣсти нѣкоторыхъ Русскихъ писателей; время выхода, а равно число повѣстей опредѣлить трудно; сообразно заглавію, онѣ будутъ выходить одна за другою, тотчасъ по отпечатаніи, смотря по объему, иногда двѣ и три каждый мѣсяцъ. Издатель имѣетъ надежду, что расположеніе публики ко всему тому, что посвящается исключительно пользѣ и пріятному препровожденію времени многочисленныхъ Русскихъ читателей, подастъ средства помѣщать въ этомъ изданіи большія повѣсти и даже цѣлые романы, въ какомъ-либо отношеніи заслуживающіе одобрительное вниманіе. Не желая стѣснять себя какими бы то ни было условіями и обязанностями, а равно имѣя въ виду облегчить и читателей въ платежъ за сіе изданіе денегъ, издатель постановилъ: назначать за каждую повѣсть особую плату, сообразуясь съ числомъ печатныхъ листовъ. Когда вышедшія изъ печати повѣсти составятъ отъ 15 до 20 листовъ, тогда тетради обрацаемы будутъ въ одинъ томъ, для бѣльшаго удобства иногородныхъ читателей. Въ прочемъ, продажа повѣстей, каждой отдѣльно, и тогда будетъ продолжаться на прежнемъ основаніи.

Kukol'nik, Nestor Vasil'evič

Skazka za skazkoj [Red. Nestor Vasil'evič Kukol'nik. Izd. Matveja
Dmitrieviča Olchina.]

Bd.: 5

S.-Peterburg 1841

P.o.russ. 64 y-5/6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610113-9